

Тайна древлянской княгини

Автор:

Елизавета Дворецкая

Змей-звезда

Елизавета Алексеевна Дворецкая

Огнедева #5

Предслава, племянница Вещего Олега, происходит из рода женщин, веками приносимых в жертву змею, повелителю великого Волхва. Однако ныне нравы смягчились и ничто не угрожает жизни молодой красивой княгини, вот только тревожат ее странные сны, а нежданно вернувшийся поздней ночью из военного похода муж кажется странным и чужим... «Это змей! К нашей княгине летает змей!» – шепчутся вокруг. И молодой воин Воята, прибывший в земли древлян, клянется защитить Предславу во что бы то ни стало.

Елизавета Дворецкая

Змей-звезда

© Дворецкая Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть первая

Глава 1

Дрожащими руками Предслава подняла череп над головой и повернула так, чтобы взглянуть через него на полную луну. Вливаясь в отверстие на месте выпиленной затылочной кости, белый свет ослеплял; Предслава поначалу невольно зажмурилась, но потом собрала с силами и заговорила:

– Месяц, светлые рожки, белые ножки! Бывал ли ты в Нави, видал ли ты мертвых? Видал ли ты Володимера, Доброгнеева сына, Мстислава внука, Володимерова правнука, – князя древлянского, мужа моего?

Череп она раздобыла у Далибожа, старшего из коростеньских волхвов. Потом три вдовы – волхва Творяна, сама Предслава и старая княгиня Чтислава, ее свекровь, – набрали воды у трех ключей и слили ее в одну большую чару, используемую для гаданий. В ней трижды омыли череп, и теперь он годился для дела, которое Предслава задумала, – вопрошания луны. В новолуние месяц, которого в Яви не видно, светит в Нави и видит всех ее обитателей; набрав силу к полнолунию, он может дать ответ на вопрос, который уже почти три месяца не давал молодой княгине Предславе покоя.

– Муж мой любезный, Володимер свет Доброгнеевич! – тихим, но твердым и ясным голосом призывала она. После всего, что она уже пережила, очутиться в полночь на вершине Святой горы, под порывами холодного, влажного осеннего ветра, с человеческим черепом в руках, наедине с полной луной, блуждающей меж туч, похожих на громадных черных медведей, – все это было для нее не так уж и страшно. Не так страшно было говорить с мертвым – ибо она точно знала, что муж ее мертв, – как вопрошать понапрасну и не дожидаться ответа. – Если ты в Навь своим путем ушел, то покажись мне на месяце. Если ты между Явью и Навью задержался и к предкам пути отыскать не можешь – встань прямо передо мной!

Она напряженно вглядывалась в лунный свет. Было холодно, руки, державшие стылую кость, тоже вскоре застыли, будто мертвые; холод лился вниз по жилам, и Предславе начало казаться, что вот-вот она и сама окостенеет, перейдет во власть Кошного Бога, истает на ветру и рассыплется грудой костей по гранитной вершине Святой горы...

Лунный свет заливал глаза и словно затоплял голову. Предслава смотрела, ожидая увидеть мужа – его округлое лицо, густые русые кудри, такую же бородку, веселые светло-серые глаза... Ее пальцы еще помнили ощущение его жестких вьющихся волос, которые она часто расчесывала, ноздри трепетали, будто стараясь уловить знакомый запах его пота... Всей душой она напряженно прислушивалась, надеясь учуять приближение его души – настоящей, а не того, что уже не раз приходило к ней...

И вдруг череп замерцал как-то по-особому, оделся неясной дымкой. Перед глазами поплыло, но Предслава не моргала, стараясь удержать это состояние сознания, которое позволяет видеть сокрытое. Череп в ее руках уже не был голой костью: из лунного света соткались покровы, на страшном безносом лице проступили черты лица...

Но это был не Володимер. И вообще не мужчина. Предслава держала в окоченевших ладонях голову женщины – молодой, красивой резкой, пугающей красотой. На мертвенно-белом лице выделялись густые черные брови, ярко-красные пухлые губы, но этот признак любвеобильности не смягчал ощущение ужаса, а напротив, обострял: ведь Кошная Невеста весьма жадна до любви. Волны густых темных волос оведали это лицо; глаза были закрыты.

Предслава смотрела, затаив дыхание, не чувствуя онемевших рук, в которых сжимала голову... чью? Да уж не сама ли Марена явилась ей?!

И в то же время страшное лицо будило смутные воспоминания. Мысль обращалась к далекому прошлому, когда она, Предслава, находилась здесь, в Коростене, стольном городе древлянской земли, но не как его законная княгиня и хозяйка, а как маленькая, трехлетняя девочка, дочь погибшего киевского князя Аскольда и его жены, ставшей пленницей и заложницей. Тогда она мало что понимала и не знала даже, как опасно их положение – ее самой, ее матери, княгини Дивомилы, а потом и родившегося здесь братика. Дивляна старалась не пугать дочь и пыталась быть веселой, уверяя, что скоро они поедут домой и все будет хорошо. Поэтому маленькая Славуня, ни о чем особо

не печалась, играла со своей нянькой, голядкой Снегулей, слушала сказки, которые рассказывала ей бабушка Елинь, и даже не знала, что над их головами сгущались самые черные тучи...

Но опасность, исходившую от этой женщины, чувствовала даже трехлетняя девочка. Колдунья Незвана, в то время первая советчица древлянских князей, внушала ей ужас – своими бесчисленными оберегами, звеневшими на каждом шагу, распущенными темными волосами, подчеркивавшими ее принадлежность скорее к Закрадному миру, чем к белому свету, порывистыми движениями, резким голосом, а главное – пронзительным взглядом серых глаз, блестящих, будто наточенное железо. Она не делала пленникам ничего плохого – во всяком случае на глазах у Славуни, – но при ее появлении девочка трепетала и пряталась возле матери или бабки, чувствуя, что эта женщина грозит гибелью им всем. Даже новорожденному братику, у которого тогда еще не было имени.

Трехлетней девочке весь мир и люди вокруг еще казались слишком большими, так что черты их помнились расплывчато. Особенно плохо она запомнила Незвану, ведь в те дни она боялась смотреть ей в лицо. В последующие годы, слушая бесконечные рассказы матери и няньки о тех грозных временах, она напрасно усиливалась его вспомнить.

Но сейчас Предслава узнала эти черты, которые в последний раз видела маленькой девочкой семнадцать лет назад. Она держала в руках голову Незваны.

Веки мертвой головы дрогнули, черные полукружья ресниц шевельнулись, будто створки ворот Закрадного мира, на которые налегают изнутри... Сейчас она откроет глаза и вонзит взгляд, будто наконечник копья, прямо в сердце своей ускользнувшей жертвы...

Предслава содрогнулась, череп выпал из онемевших, застывших от холода и оттока крови ладоней. Женщина отпрыгнула, а череп упал на камень горы Кременицы и с громким треском разбился на множество костяных осколков.

Княгиня замерла в нескольких шагах, безотчетно потирая застывшие кисти рук и пытаясь прийти в себя. Перед глазамиплыли белесые пятна, она моргала, силясь сообразить, что такое видела. Свет полной луны заливал площадку древнего святилища на вершине одной из коростеньских гор, а далеко внизу ему

отвечала множеством отблесков вода Ужи. Было достаточно светло, чтобы Предслава, уняв головокружение, разглядела белеющие на камне осколки черепа.

Сосуд неизвестно чьей души лежал разбитый, как это и случается рано или поздно со всяким на свете сосудом[1 - По древним представлениям, душа живет в голове. (Здесь и далее прим. авт.)]. Так удалось ее гадание или нет? Она хотела узнать, ушел ли покойный муж тропой предков или душа его, задержавшаяся на грани мира живых и мира мертвых, теперь ее беспокоит? Но вместо мужа она увидела саму богиню Марену – или колдунью Незвану, что было для Предславы, в общем-то, одно и то же. И чей же это был череп? Где Далибож его взял?

Сойдя наконец с места, Предслава направилась к обчине, где в боковой клетке хранилась посуда, всякая нужная утварь и в числе прочего метла для уборки обчины и площадки святилища после принесения треб и жертвенных пиров. Лунный свет набросил на розовато-серый гранит серебристое покрывало, и ей казалось, будто она идет по поверхности молочного озера. Вернувшись с метлой и кованым совком на деревянной ручке, Предслава принялась сметать в кучу осколки черепа. Их в любом случае следует убрать, а тем более если это то, о чем она подумала... Ну, дед Даляня, упырь бородатый! Попросила ведь его как человека! Откуда княгине взять череп – она ведь не хранит у себя в ларе головы убитых мужем врагов! Думала, у волхвов уж наверняка найдется, не она же первая придумала месяц вопрошать! И что он ей подсунул? Сам не знал? Или нарочно?

Сметая осколки в кучу, Предслава тщательно собрала их в совок, стараясь не пропустить ни малейшего кусочка, даже мелкий сор из трещин камня вымела, чтобы не оставить ни пылинки. Глянула в сторону обрыва – нет, отсюда до воды не добросить, только разлетится все по склону Креницы. Надо нести на берег.

Одной рукой держа совок с осколками, а другой опираясь на метлу, чтобы не споткнуться и снова все не рассыпать, Предслава осторожно направилась к реке. Покинула площадку святилища, прошла мимо обчин, где в дни жертвенных пиров рассаживались за длинными столами старейшины и иные нарочитые мужи Великой Деревляни, через резные ворота вышла за невысокий вал и, старательно нащупывая ногами неровности тропы, стала спускаться. Хорошо, что луна – Марина Чаша – по-прежнему щедро изливала белесый свет, и Предслава хорошо видела дорогу.

Она уже почти дошла до кромки берега и выбирала взглядом место, откуда можно высыпать содержимое совка сразу в глубокую воду, как вдруг из тьмы вынырнула человеческая фигура. Предслава вздрогнула, будто от удара молнии, ее облило разом жаром и могильным хо-лодом.

Володыня! Сердце пропустило удар, потом заколотилось у самого горла, будто вот-вот выскочит наружу, метла и совок задрожали в ослабевших руках. Мужчина, молодой и статный, рост чуть выше среднего, широкие плечи, небольшая борода... Он все-таки явился! Гадание вышло, Марина Чаша показала ей мужа! И он стоит на земле, прямо перед женой, значит, его душа не ушла в Закрадный мир! Она взглянула в его лицо, уверенная, что узнает черты человека, замужем за которым прожила четыре года, хоть и не слишком часто за это время его видела... И вскрикнула – это был вовсе не он!

Собственный крик донесся до нее слабо и как будто со стороны – Предслава даже не узнала свой голос. А мужчина, в это самое мгновение увидев ее, тоже охнул, отшатнулся назад и едва не бросился бежать, но опомнился. В руке его молниеносно оказался меч – меч, не топор, копье или что другое, Предслава отметила это. Выставив перед собой блестящий в лунном свете клинок, он замер, не сводя с нее глаз...

* * *

Конечно, умные люди не поехали бы осенней ночью через лес, но Рулав уверял, что прожил здесь семнадцать лет и найдет дорогу к Коростеню даже с мешком на голове. К тому же было уже недалеко, и Вояте не хотелось ночевать в очередной веси – вповалку на земляном полу, где хозяйские козы будут наступать на руки и спасибо Велесу, если не ронять катышки на лица. В избах все не поместятся, в овин хозяева не пустят, а в бане ночевать – себе дороже, баенные об эту пору злее злющего: у Доброчи с прошлого раза царапины через всю щеку, а у Светлыни синие пятна на шее. Воята вел с собой всего десять человек, но у Рулава было три десятка – столько приезжих вместит не всякая весь, а ночевать под открытым небом никому не хотелось. И без того намерзлись в дальних дорогах, а гриди хоть и привычные, но тоже ведь не собаки, верно? Поэтому Воята легко поддался на уговоры Рулава, которому после годового отсутствия хотелось поскорее домой к жене, не останавливаться на третий ночлег, а проехать еще немного и добраться до Коростеня хоть затемно. Лет пятнадцать назад князь Ольг приказал прорубить между стольными

городами полян и деревлян дорогу через лес, что позволило, при наличии лошадей, заметно сокращать путь: до того по рекам от Киева до Коростеня, все вверх по течению Днепра, Припяти и Ужи, добираться приходилось с неделю и больше, а теперь хватало трех дней – так же, как на путь обратно, вниз по течению. Дорогой часто пользовались, в наиболее низких, топких или грязных в распутицу местах были устроены гати, которые подновляли сами же проезжающие купцы или местные жители.

У Вояты не было причин не доверять Рулаву: тот действительно жил в стольном городе деревлян уже семнадцать лет, с тех пор как заступил в должность кормильца восьмилетнего Володыни Доброгневовича, оставшегося сиротой и единственным мужчиной в роду. В дорогах он тоже относился к людям бывалым: еще отроком Хродлейв сын Торольва покинул родной Свеаланд, много лет ходил по морям с разными вождями, пока не прибился к дружине Одда Хельги, не попал вместе с ним сперва на Волхов, потом на Днепр. Одд конунг, ставший в Киеве князем Ольгом, доверял ему: Хродлейв Добрый, которого здесь стали звать Рулавом, был его рукою и оком в Деревляни, и он же входил в число посольства, снаряженного Ольгом в прошлом году в греческий Миклагард – закреплять плоды победы. Если уж он обещал, что доведет до Коростеня и в темноте, Воята предпочитал ему верить.

Между собой они говорили по-словенски, хотя могли бы и на северном языке: оба знали одинаково хорошо и тот, и другой. Воята, хоть и считался в Ладоге потомком варяжского рода, появился на свет в Вал-городе на Сяси и считал себя скорее словенином, чем варягом. Но варягов в Ладоге от самого ее основания было столько, что кое-как их речь понимали все до последнего рыбака, а «лучшие люди», особенно имевшие варяжские же корни, общались на нем свободно.

Рулав, женатый на деревлянке, так же свободно говорил по-словенски, и только легкий иноязычный призыв давал понять, что этот язык ему не родной.

– Вот здесь все это случилось. – Шестидесятилетний, но еще крепкий и уверенно сидящий в седле варяг показал на одну из гор над Ужей, облитую белым светом луны. По дороге Воята от скуки расспрашивал его, правда ли все то, о чем он с детства слышал еще в Ладоге, и Рулав, как очевидец большинства событий, подтвердил довольно многое, хотя и не все. – Вот это – Креница, ее еще зовут Святая гора, там святилище. А вон там – Княжья гора, там стоит княжий двор, где мы будем ночевать. Жертвы полагается приносить, конечно, в святилище,

но тогда Княжья гора была обложена войском князя Волегостя и никто не мог пройти оттуда на Святую гору, поэтому принесение жертвы устроили прямо в городе, возле стены. Вон с той стороны, где ближе к реке.

Ночью Воята мало что мог разглядеть – только черные громады гор, на которых в свете луны выделялись то часть вала, то особо крупные гранитные валуны, то блеск воды внизу, но кивал. Усталые кони шли шагом, иные из гридей дремали в седлах, особенно киевские, научившиеся этому у степняков.

– И когда княгиня вырвалась, она побежала к этой стороне, к реке. Там нет ворот, и она просто встала над стеной и стала звать на помощь. В это время колдунья и князь Доброгнев догнали ее и хотели выбросить через стену. Но она ухватила колдунью за волосы, и они выпали вместе. Вон склон, по которому они катились. – Рулав показал плетью. Коня он остановил, чтобы Воята мог как следует рассмотреть это место, вошедшее в предания не только Деревляни, но и всей Русской земли[2 - В соответствии с первоначальным историческим значением Русской землей здесь называется только территория, подвластная Киеву, Переяславлю и Чернигову, то есть область племени полян.]. – Если бы княгиня упала первой, а колдунья на нее, то ее дети в тот же день и остались бы сиротами, а боги получили бы свою жертву. Но колдунья при падении оказалась внизу и сразу свернула себе шею. Когда они в обнимку катились дальше к воде, она была уже мертва. Вон там они упали в воду, и там же положили тело колдуньи, когда их выловили. И на том же месте потом ее сожгли, на следующий день. Если бы было светло, ты бы сразу увидел – с тех пор там ничего не растет, даже трава и мох, и на земле видно черное пятно, точь-в-точь такого размера, как была крада. Все остатки костра потом смели и бросили в воду.

Но рассказывают, что в полнолуние колдунья иногда выходит из реки и бродит здесь возле гор. Ведь она умерла, никому не завещав своих умений и служивших ей духов, а такие люди, ты знаешь, не умирают до конца. Говорят, она ходит и ищет того, кому сможет передать свою силу, чтобы умереть окончательно. В руках она держит метлу и совок, которыми сметают прах и угли крады – ведь при жизни она была Марой, то есть служительницей Мары, или Хель, как ее называли у нас дома. Теперь, как говорят, она вновь и вновь сметает свои собственные кости.

– А ты сам ее видел?

– Я – нет, не буду врать. Но многие люди видели, из тех, кому можно верить.

Тронув коня, Рулав первым подъехал к воротам. Двое его отроков соскочили с седел и принялись колотить в створки. Ожидая, пока в Коростене проснутся – еще какое-то время надо отвести на смятение, недоуменные вопросы, тревогу, споры, идти ли открывать и кому идти, не позвать ли сперва княгиню и не разбудить ли воеводу, – Воята оглядывался по сторонам. В Киеве он уже бывал, но в стольный город Великой Деревляни, как ее называли сами жители, попал впервые. В каждом жилом месте есть свои предания, и чем оно старше, тем их больше. Но нечасто случается такое, что свидетелем и участником событий выступает не давно почивший чей-то прадед, а живой человек, стоящий перед тобой. Или много лет проживший рядом с теми, о ком говорит предание.

На склоне соседней горы – которую Рулав называл Святой – Вояте почудилось движение. Будто что-то белое – не то птица, не то зверь – мелькнуло и пропало. Отроки все колотили в ворота, кричали, но изнутри пока голосов не доносилось – бабы спросонья накидывают платки и раздувают головни в печи, пытаются запалить лучину, а мужики обуваются, ругаясь впотьмах. Воята отъехал от ворот, вглядываясь во тьму. Там что-то шевелилось – не так быстро, как ему показалось, но все же. Что-то живое? Или кусты колышутся? Или какие-нибудь белые рушники, повешенные на ветки или на колья в дар богам, дрожат на ветру?

В пятне лунного света показалась белая фигура. Такая рубаха могла быть подношением Макоше или кому-то еще из женских божеств, но рубаху с кожухом могла носить только живая женщина. Воята подъехал ближе. Рассказ Рулава о бродящей по ночам мертвой колдунье был свеж в его памяти, но у той должны быть темные распущенные волосы, и на ходу ей надлежало распространять звон и стук оберегов, а эта фигура двигалась бесшумно, к тому же на голове у нее белел платок.

У того места, где тропа со склона спускалась низко к воде, Воята соскочил с коня и сделал еще несколько шагов. Движение на склоне пропало, и он уже думал, что померещилось – наслушался Рулавовых баек, – как вдруг женщина возникла прямо перед ним.

И при виде ее Вояту прошиб холодный пот. В глаза сразу бросились две вещи: метла и совок в руках. Те самые метла и совок, которыми сметают останки с погребального костра и к которым никто из живых, за исключением жрицы-Мары, ни за какие сокровища не прикоснется. Йотуна мать! Это она! Мертвая колдунья, что ходит уже семнадцать лет и все сметает с прибрежных камней

свои кости!

Мысли и знания о том, как надо защищаться в таких случаях, будто волной смыло из головы, и Воята сделал то единственное, для чего ему не надо было думать: выхватил меч и встал, будто готовясь нанести удар. Нечисть и нежить боится острой стали: мертвая не подойдет к живому, который отгородился от нее заточенным франкским клинком.

Женщина вскрикнула птичьим голосом навьи и застыла, держа перед собой метлу и совок, будто меч и щит мертвого воина...

Гость из тьмы не шевелился, и Предслава начала кое-что соображать. Это не Володыня, но это слуга Марены, посланный взамен. Он все-таки ответит на ее вопросы.

– К-кто ты и из какого мира? – стараясь говорить громче, но не в силах одолеть дрожи в голосе, произнесла она.

– Йо... Ч...чего? – глухо донеслось из мрака.

– Кто ты и из какого мира? – уже увереннее, с привычной повелительностью повторила Предслава и даже сделала шаг вперед.

Ее страх сменился злостью: если это тот самый дух, который мучает ее уже больше двух месяцев, то теперь она наконец добьется от него ответа! Совок с осколками черепа она быстро опустила наземь, зато метлу перехватила обеими руками поудобнее, будто копье или дубинку, – в душе поднялась волна решимости, и если этот паршивец откажется отвечать, он у нее испробует метлы!

– Я? – Дух, или кто он там, попятился под ее напором.

Позади него она вдруг заметила что-то огромное и черное; в первый миг вздрогнув от испуга, Предслава тут же с изумлением узнала в этом сгустке тьмы оседланную лошадь! Издалека же прибыл ее гость!

– Ну не я же! – звенящим от гнева голосом воскликнула она. С духами полагалось разговаривать иначе, но у нее вдруг кончилось терпение. – Сколько еще ты будешь меня мучить, синец ты темнообразный! Мало не всю кровь из меня выпил, проклятуший! Чтобы тебе в реку Огненную провалиться! Ты не мой муж! Раз уж явился наконец, то отвечай: что тебе надо? Кто ты такой? Как твое имя? Зачем являешься, чего от меня хочешь? А не то я... – Она замахнулась метлой, и гость попятился, но тут Предслава вспомнила, что метла духу нипочем, и обратилась к более действенному оружию: – А не то у меня плакун-травы с дедовником испробуешь! Отвечай: как твое имя?

– Воята... – к ее удивлению, покорно, но с явным недоумением отозвался ночной пришелец. – Воигнев, Хранимира валгородского и Святодары сын, внук Борониславы и Бьёрна Красноречивого, Святобора и Гневорады...

– Что ты меня морочишь? – неуверенно и подозрительно отозвалась Предслава. – Какой еще Воята?

– Ладожский. Воеводы Велема, Велемысла Домагостича, гридь ... и сестрич.

Предслава опустила метлу. Мало того, что она не ждала от предполагаемого духа изложения обычного человеческого рода – имени, которые он называл, были ей отлично знакомы. Так хорошо знакомы, что теперь она не верила своим ушам – ведь это были имена ее собственных родичей.

В наступившей тишине она вдруг расслышала крики; Воята тоже услышал и обернулся. Оставшиеся у ворот гриди увидели фигуру женщины с метлой в руках; люди Рулава, отлично знакомые с местным преданием, мигом смекнули, что перед ними мертвая Незвана, и с воплями пустились бежать: одни исступленно молотили кулаками в закрытые ворота города, другие скатились с седел и метнулись чуть ли не на карачках во тьму, надеясь спастись, пока колдунья-упырица будет отгрызать голову ладожскому пришельцу. А Воятины ладожане, видя, в какой ужас пришли местные, почли за лучшее последовать их примеру: не все слышали рассказ о мертвой колдунье, но и дурак догадался бы, что надо делать ноги.

– Кто это? – Предслава попятилась. Этот странный дух явился не один, а во главе целого воинства! А она тут одна, вооруженная только метлой да оберегающим корнем в мешочке на шее.

– Дружина моя... Моя и Рулавова.

– Рулавова? – Женщина встrepенулась. – Он здесь? Не может быть!
Он воротился?

– Все посольство от греков воротилось. Потому мы и приехали – киевский князь Ольг нас послал к княгине Володимеровой, Предславе. Ты... эта... ну, которая... – Воята не решался назвать имя колдуньи, хотя уже сам усомнился: та вела себя как обычная живая женщина. – Да?

– Да, это я, – мрачно ответила Предслава, услышав от гостя свое имя и решив, что он ее и имеет в виду.

– М-м... йотуна мать, – слабым голосом ответил Воята и левой рукой сделал знак Тора, отгоняющий нечисть, в правой продолжая держать меч. – И чего тебе надо, жуть ночная? За костями своими пришла – так подбирай и уходи. А ко мне сунься только – враз голову с плеч снесу, не посмотрю, что ты уже лет пятнадцать как околела.

– Ты что такое городишь? – возмутилась Предслава. – я тебя спрашиваю, а ты отвечай! Зачем ходишь ко мне?

– Да я в первый раз только и пришел! – с досадой, ничего не понимая и не зная, бояться или дивиться, отозвался Воята. – И зачем, уже сказал. Ты от земли ушито прочисти, если не слышишь! От князя мы киевского, Ольга, с поручением к княгине Предславе. А ты проваливай, откуда пришла, здесь тебе поживы не будет!

– Воята, держись повежливее – ты уже разговариваешь с княгиней Предславой, – раздался из темноты знакомый им обоим голос, и в пятно лунного света вышел Рулав. – Здорова будь, княгиня! – Он поклонился. – Если это и правда ты, а не твой беспокойный дух. Ты еще не умерла, пока нас не было? Не стала блазнем?

– Рулав! – Предслава от удивления едва не выпустила метлу. – А ты не блазень? Откуда ты взялся? И кто это?

– Да я ж тебе два раза назвался, а ты все заладила: кто да кто! – сорвался Воята и тут сообразил. – Постой, ты что сказал? – Он снова обернулся к варягу. – Она – не колдунья? Княгиня?

– Во всяком случае, эта женщина выглядит точь-в-точь как княгиня Предслава. – Рулав кивнул. – Остальное трудно утверждать в полночь полнолуния, да еще возле святилища и жальника. Если ты действительно княгиня – как ты сюда попала?

– Я ходила в святилище гадать по луне. Хотела узнать, ушел ли дух моего мужа в Закрадный мир или это он приходит ко мне...

Предслава запнулась: у нее перехватило дыхание, и при виде Рулава, который уже четыре года по мере сил заменял ей всех старших родичей, она с новой силой осознала, насколько она несчастна и одинока, насколько тяжело и почти безнадежно ее положение.

– Конечно, я все знаю. – Рулав сочувственно кивнул, его голос зазвучал мягче, и теперь в нем слышалась скорбь. – В Киеве нам все рассказали, а что случилось, мы узнали еще там, на Суле, когда проезжали мимо. Князь погиб, как и положено мужчине и воину его происхождения. Он теперь у Одина ... или у Перуна, не знаю, скорее так. Ты можешь гордиться им. Но, конечно, мне тоже очень жаль!

Варяг подошел ближе и обнял ее; Предслава бросила метлу, уткнулась ему в плечо и разрыдалась. Чуть ли не впервые за эти месяцы, ощутив рядом с собой надежного близкого человека, она дала волю слезам, пытаясь хоть ненадолго расслабиться и забыться.

Обнимая ее, Рулав провел рукой по ее голове, покрытой повоем: тот прилегал непривычно плотно, и длинных кос, светлых, почти как лунные лучи, под ним больше не было. Три месяца назад двадцатилетняя древлянская княгиня Предслава Волегостевна стала вдовой, и на этом, надо думать, ее беды не кончились.

* * *

Разглядеть ее толком Вояте удалось только в княжьей избе, где в этот поздний час зажгли и светильники, и лучины в таком количестве, что хоть иголки с полу подбирай. Рулав сперва созвал и успокоил разбежавшуюся дружину, потом убедил коростеньскую стражу открыть ворота – оказывается, там никто не спал, кмети ждали возвращения ушедшей на Святую гору княгини, но не решились сразу отворить неведомым гостям. Когда дружина въезжала в город, вокруг уже толпились жители – женщины в платках, наброшенных на криво повязанные повои, мужчины в вотолах, сукнях и кожухах, накинутах на плечи поверх наспех подпоясанных рубах, в незавязанных черевьях. Навстречу Рулаву с воплями выбежала жена – баба лет на двадцать его моложе, в которой Воята уже не мог разглядеть никакой красоты, но старый княжий кормилец явно ей обрадовался. Княгиня исчезла, и Воята уже думал, что больше сегодня ее не увидит.

– Мы можем устроить вас в гриднице, там теперь есть место, – сказал ему Рулав, и Воята хорошо понимал горечь, прозвучавшую в этих словах: в сражении на Суле погиб не только князь Володимер, но и половина его дружины. – Пусть люди располагаются, я велю подать хлеба и еще чего найдут... хотя сам я так устал, что лучше бы сразу лег спать. А баню истопят утром.

Сам Воята тоже мечтал лишь о том, чтобы уйти от пронизывающего осеннего ветра с мелкими каплями дождя и рухнуть где-нибудь в тихом, теплом месте. Но княгиня Предслава не шла у него из мыслей; он так до конца и не был уверен, что это она, а не та мертвая колдунья, о которой рассказывал варяг.

В просторной гриднице, выстроенной неподалеку от княжьих изб, сразу были видны пустые места – тех, кто ушел и не вернется, в отличие от тех мест на лавках и полатах, на которые гриди Рулава с радостью бросали свои заплечные короба и сгружали снаряжение. Помещение заполнилось шумом, вздохами, грохотом, восклицаниями; в воздухе летали капли воды, стряхиваемые в одежды, повис запах мокрой шерсти и кожи, смешанный с печным дымом. Ладожские гриди дразнили коростеньских: своей же княгини испугались, да так, что бежали без оглядки, чуть портки не намочили! Остававшиеся в Коростене Рулавоны гриди здоровались с прибывшими, обнимались, расспрашивали, излагали наперебой самые важные из местных новостей. И кое-что из услышанного повергло Вояту в оторопь – настолько, что даже спать расхотелось.

– Я все же зайду к княгине, – сказал ему Рулав, наспех убедившись, что с дружиной все в порядке. – Она говорила чудные вещи, я даже усомнился,

честно сказать, в своем ли она уме. Говорю тебе это только потому, что ты ее родич.

– Уж это точно – странные, – согласился Воята. – Поначалу она вроде приняла меня за мужа... разве я на него похож?

– Что-то есть. – Рулав окинул его взглядом и кивнул. – Он был на несколько лет старше тебя, вы примерно одного роста, сложения... В темноте и с перепугу можно ошибиться. Это меня не удивляет. Знаешь ли, многие мужчины хотели бы, чтобы она приняла их за своего мужа. – Он хмыкнул, но тут вспомнил, что говорит о знатной вдове, и сделал суровое лицо. – Меня удивляет другое: почему она ожидала встретить своего мужа у реки среди ночи, хотя уже знает, что он погиб? Князь Одд ведь сказал, что она давно должна была получить эту весть, да и косы она обрезала, стало быть, знает. Боюсь, тут творятся нехорошие дела...

– Ты не против, если я пойду с тобой? Ведь мы с ней родичи, и мне хотелось бы разобраться...

– Если княгиня не против, отчего же нет? я спрошу, примет ли она нас теперь или отложит до утра.

Но княгиня, видимо, тоже не слишком хотела спать, поэтому пригласила их прийти. Вслед за Рулавом Воята вошел в княжью избу, предназначенную для семьи и ближней челяди. Княгиня сидела у стола: рядом с ней стоял зажженный литой светильник греческой работы, и теперь он наконец смог ее рассмотреть как следует. Еще там, на берегу, он отметил, что она для женщины высокого роста, сложения худощавого и крепкого. Взглянув ей в лицо, он сразу вспомнил киевскую княгиню Яромилу, ее родную, а свою двоюродную тетку: то же продолговатое лицо с правильными чертами, с легкой горбинкой на прямом носу, вот только молодая коростеньская княгиня выглядела исхудалой, из-за чего скулы казались выше, а щеки впалыми. Брови у нее были шире на внутреннем конце и тоньше на внешнем, светло-золотистые – надо думать, как и скрытые под повоем волосы. Розовые губы, более пухлые в середине, и общее изящество черт, в которых отражались, несмотря на печаль и усталость, сильная воля и острый ум, даже под вдовьим платком делали это лицо привлекательным и желанным. Кожух она сняла и для гостей набросила на повой убрus внакидку: скользнув по нему взглядом, Воята отметил узоры со знаками предков, Закрадного мира и полночного солнца. А еще сорочка

швами наружу, синяя гладкая понева, называемая «печальной», – убор вдовы, «горевая сряда»[3 - Горевая – от слова «горевать», сряда – костюм.]

Две челядинки, молодая и пожилая, зевая и убирая волосы, шепотом вяло спорили, надо ли подавать какое угощение или обождать, пока княгиня прикажет. А сама она, кивком пригласив гостей сесть, разглядывала Вояту, подперев щеку кулаком, с тем же любопытством, что и он ее.

– Так, значит, ты... из дружины Велема Домагостича? – спросила она. – Ты уже говорил, но я... думала о другом и плохо разобрала. Ты сын...

– Хранимира валгородского, – обстоятельно пояснил Воята, теперь уже понимая ее состояние и не сердясь, что раньше говорил на ветер. – А моя мать – Святодара, Святобора и Гневорады дочь, Радогневны Любшанки внука.

– Да, моей матери двоюродная сестра, – Предслава кивнула. – А ты, стало быть, мой троюродный брат...

– Воигнев. Воята. Отец меня Хвидульвом нарекал, но он погиб, когда я на руках у матери был, рос уже с материнской родней и отчимом, а мать мне дала имя по своему стрюю Воигневу.

Предслава снова кивнула: и в Плескове, где она выросла, и в Ладоге, откуда происходила ее мать, было много варягов и чуди и детям в смешанных семьях часто давали по два имени. Даже ее собственная двоюродная сестра Придислава Ольговна, всю жизнь прожившая в Киеве, имела второе имя – Фрейдис.

– Но вы ведь жили в Вал-городе?

– Пять лет назад отчим умер, а мы с матерью и сестрой еще годик в Вал-городе помыкались и перебрались назад в Ладогу, к ее родне. Меня воевода Велем в дружину взял, сестра Гневаша замужем уже за варягом одним, сын у нее...

– Я тебя не помню. – Предслава виновато улыбнулась и покачала головой. – У нас столько братьев...

– И все в дружинке воеводской! – Воята ухмыльнулся, но ему согрело душу, что она сказала «у нас», тем самым признавая его за родню. А братьев и правда насчитывалось очень много: четырнадцатилетней девочке, которой она была, когда в последний раз навещала ладожских родичей матери, немудрено было позабыть лица горластых нескладных подростков, под видом воинских упражнений от души тузивших друг друга палками и кулаками. – Я тебя помню немного. – В действительности он помнил скорее то, что дочь плесковской княгини когда-то приезжала в Ладогу, а от нее самой у него оставалось самое смутное впечатление. – Ты сильно выросла. Больше даже на вуйку Ярушу походишь, чем на Дивляну.

– Да, у нас все замечают, – Предслава снова улыбнулась. – я еще пока замуж не вышла, мать переросла. Как там все ваши?

– Слава чурам. Воевода сам приехал – скоро увидишь его, он тебе расскажет про своих. Бабка твоя Милорада все хворает – с весны, летом полегче стало, а теперь опять...

– Бабушка Милуша! – Предслава обеспокоенно всплеснула руками. – Вот беда! А кому же ее лечить – там есть кто-нибудь из ведуний постарше?

– Одна бабка Жданица осталась, да у той уже все спуталось: принимается заговаривать от зубной боли, кончает – на присушку. – Воята чуть усмехнулся и горестно покачал головой, поскольку старую Милораду, мать воеводы Велема, в Ладоге все любили. – У нас теперь в старших ведуньях три сестры: Ведома, Льдиса и Олова. Да они ей племянницы, куда им заговаривать ее...[4 - Заговаривать можно только людей моложе себя.]

– Хоть и не лучшие вести, а все легче стало! – Предслава приложила руку к груди. – Подумала о родне – и будто сердце теплым ветром овеяло. Спасибо тебе, и прости, что неласково приняла. Иди, я тебя поцелую! – Предслава встала и шагнула к нему. – Надо было раньше, но там я не...

Воята ухмыльнулся: да, если бы «мертвая колдунья» сразу попыталась его поцеловать, он бы отбивался не шутя. А теперь он, с довольным и отчасти смущенным видом улыбаясь, подошел и наклонился; Предслава коснулась губами его щеки, потом обняла и прижалась головой к плечу, словно была рада обрести опору. Воята почтительно приобнял ее и поцеловал в повой надо лбом.

На душе стало легче: вот теперь он сможет думать об этой женщине как о сестре, а не как о княгине чужого племени. Надо же, как далеко разбросала жизнь семена старого родового дерева Радогневых Любшанки!

– Да уж я вроде ничем чуров не обидел, чтобы меня сестры метлой встречали! – Снова усевшись, Воята улыбнулся, уже чувствуя себя свободно. – Что же с тобой приключилось-то? Что ты вдова теперь, мы знаем. Но с чего тебе ночью по горам бегать?

– Я слышал кое-что в гриднице – это правда? – подал голос Рулав. Трепещущий свет от светильника резко выделял глубокие морщины его обветренного лица, и вид у него был очень утомленный и встревоженный. – Говорят, что к тебе по ночам ходит злокозненный дух?

– Правда! Ой, правда! Ходит дух, а кто такой, чего хочет – не ведаю.

Предслава опустила лицо на руки и немного сдвинула повой, будто хотела запустить пальцы в волосы; мелькнула полоска с началом ровного пробора, и Воята убедился, что волосы у нее и правда очень светлые, с легким золотистым отливом. И ему почему-то захотелось еще раз поцеловать ее в этот пробор. Вид этой женщины, такой красивой и встревоженной, такой мужественной и несущей такой тяжкий груз, рождал в груди теплое чувство: смесь удивления, уважения и нежности. Хотелось что-то сделать для нее, помочь, порадовать...

– Нынче вот хотела расспросить его – да не вышло.

– Мы помешали? Уж прости! Кабы знать...

– Да не вы, – Предслава отняла руки от лица. – Она, видать, помешала. Незвана. Я ее прежде вас увидела. А о чем спросить хотела – так без ответа и осталось...

Началось все еще в конце лета, когда до круч Коростеня долетали песни жниц с ближних полей, а светлые, как свежая солома, с золотисто-рыжеватым отливом косы Предславы еще доставали до пояса. Однажды ночью она проснулась с ощущением, будто рядом с ней кто-то есть. Причем намерения этого кого-то были совершенно ясны.

– Ладушка моя... – шептал голос, и чьи-то руки скользили по ее груди, щекочущая борода прикасалась к шее и щеке, дыхание обжигало лицо. – Желанная моя, ненаглядная...

Предслава, не понимая, сон это или явь, охнула спросонья и отшатнулась; в избе было темно, хоть глаз коли, но всем существом она ощущала рядом чье-то присутствие.

– Кто здесь? – слабо вскрикнула она, рывком сев на лежанке и прижавшись плечом к бревенчатой стене, покрытой медвединой. Знакомый запах шкуры почти убедил ее, что это не сон, но тем необъяснимее было происходящее. – Кто ты? Веснянка! – повысив голос, крикнула она. – Снегуля!

– Что ты кричишь, лада моя? – Кто-то закрыл ей рот ладонью, другой рукой снова пытаюсь обнять, но она все отстранялась и неловко в темноте отталкивала от себя чужие руки, пытаюсь отползти по лежанке вдоль стены. Она и понимала дикость происходящего, но странное оцепенение мешало ей закричать. – Это же я, муж твой! Или не признала?

– Муж? – не веря ушам, повторила Предслава. – Володыня?

И осознала, что действительно слышит голос мужа! Но как это могло быть? Еще весной князь Володимер коростеньский ушел с дружиной сперва в Киев, а там, соединившись с силами Ольга киевского и Унебора черниговского, отправился в лодьях и на конях вниз по Днепру. В Переяславле к ним должен был присоединиться князь Берислав, чтобы общими силами двинуться на Сулу. Суляне, возглавляемые своим князем Заславом, уже не раз нападали на проходящие к Греческому морю купеческие обозы с русскими товарами, грабили на пути туда и обратно. Сам-то князь Заслав был не так уж силен, но все отлично знали, что его поддерживают не только прочие северянские князья, но и козары, особенно обозленные тем, что Ольг киевский стал брать с радимичей тот же шеляг с плуга, который раньше радимичские князья платили

козарам. Последнее нападение случилось прошлым летом, когда снаряженное Ольгом посольство ехало в Миклагард; этим летом его ожидали назад, и было очевидно, что обоз, наверняка везущий множество дорогих греческих товаров, подвергнется нападению. Поэтому Ольг еще с зимы предложил всем младшим князьям под своей рукой готовиться к походу: Бериславу переяславльскому, Унебору черниговскому – уже почти своему зятю, и Володимеру деревлянскому, своему названому сыну. С восьмилетнего возраста последний из рода деревлянских князей привык считать Ольга киевского «за место отца», почитал, платил дань по черной кунице от каждого очага – то же самое, что и радимичи. На призыв он откликнулся охотно: во первых, он и так почти каждое лето проводил в походах со своей дружиной, а во вторых, свободный путь по Днепру был нужен и ему самому. Деревляне деятельно участвовали в торговле с греками, и к ним уходила заметная часть дани, собираемой Володимером с деревлян и дреговичей – завоеванных и покоренных для него Ольгом еще двенадцать лет назад. В то лето Володимер получил меч и сам пошел в поход в сопровождении своего кормильца Рулава и части Ольговой дружины – и был благодарен киевскому князю еще сильнее, чем если бы тот сам покорил дреговичей и преподнес юному князю уже готовое право сбора дани.

Так скоро Предслава мужа домой не ждала, будучи уверена, что после победы над Заславом он и его побратимы-союзники, развивая успех, пойдут вверх по Суле, надеясь вовсе оторвать сулян от Северяни и подчинить Киеву. Князь Ольг действовал очень умно, смело, но продуманно, постепенно и неуклонно расширяя свои владения: подчиняя одних, он тут же предлагал им участие в походе на других, где они смогут и восполнить понесенные потери, и восстановить победами свою честь.

Киевскую дружину возглавлял сын Ольга, Свенельд, двоюродный брат Предславы. Он тоже отличался отвагой и упрямством: они будут наступать, давить сулян, сколько хватит сил, а потом до осени пировать в Киеве в честь победы. И до той поры, когда придет срок отправляться в полюдье, князь Володимер проведет дома не больше месяца, самую распутицу, пока грязь не замерзнет и реки не встанут.

Но уж когда он соберется возвращаться, она об этом узнает! Из Киева примчатся гонцы с вестью, к какому сроку печь хлеб, варить пиво, ставить мед, созывать нарочитых мужей Деревляни на княжьи пиры. Несмотря на молодость, Предслава была хорошей и опытной хозяйкой: ведь она и родилась, и воспитывалась как княжья дочь, и с рождения ее было ясно, что на тот

или иной княжий стол она раньше или позже взойдет полноправной хозяйкой. И скорее раньше... Так и вышло: после знаменательного похода на Туров этот самый Рулав привез в Плесков вышитый рушник от молодого князя Володимера – для Предславы Волегостевны. С трехлетнего возраста ее растил отчим, плесковский князь Волегость, а прежнего киевского князя Аскольда ни поляне, ни кривичи не любили вспоминать. Ей тогда было всего только восемь лет, но тем не менее дар приняли и послали взамен другой. В узорах обручального рушника мать Предславы, княгиня Дивомила, сразу узнала руку сестры, а если киевская княгиня Яромила одобряет сватовство, следует его принять. Поставили лишь то условие, что свадьба состоится не раньше, чем невесте исполнится шестнадцать. Против этого никто не возражал: ни сам Володимер, ни его покровитель Ольг. Так и вышло, что с самого детства Предслава знала, за кого выйдет замуж, но мужа впервые увидела на свадьбе – одновременно с тем, как он впервые увидел ее. Уже после того, как их соединили и тот же Рулав деревянным свадебным жезлом снял с головы молодой покрывало-паволоку.

– Откуда ты взялся? – пробормотала она, отталкивая от себя ищущие руки и все еще не веря, что это не сон. В ней поднималось какое-то лихорадочное возбуждение, но от него веяло чем-то нечистым, неприятным. – Никто не знал... не предупредил... гонцов не слал... А дружина? А полон? Сколько ты привел, сколько своих потерял? Как сходили?

– После, после об этом, любушка моя! – Невидимый в темноте гость снова придвинулся вплотную. Весь он источал желание, но ошеломленная Предслава была полна тревоги и недоумения. – Истомился я по тебе, душа моя, сердце мое! Поцелуй же меня, ягодка моя сладкая, малинка моя алая, земляничка лесная!

Горячие губы настойчиво искали встречи с ее губами, но Предслава отталкивала мужчину, изо всех сил упираясь ладонями в грудь. Обычно Володыня не так себя вел: нет, он был пылким мужем, но, возвращаясь из похода, первым делом принимался захлеб рассказывать о том, как сходили, что видели, с кем бились, какую взяли добычу, что учудил Свенельд и что на это сказал Унята, что стряслось по пути с Гладилой и Вторакон, как Дорожок в кустах сел на ежа и выскочил со спущенными портками, как Крепимер на пиру подрался с местными на Случе, как Еловца на Припяти поймали на одной бабе, а ее муж – там над всеми старший... Поболтать он любил сверх всякой меры, особенно когда было чем похвалиться. Но чтобы вот так среди ночи, будто с дерева слетев...

– Как ты в город-то попал? – воскликнула Предслава. – Кто вам ворота открыл? Почему меня не разбудили?

– Зачем будить – я сам тебя разбужу! – из темноты донесся смех. – Или пусть будет сон – слаще сна ты в жизни не видала. Ну, иди же ко мне, лебедь моя белая...

Он с силой обнял ее, придвинулся вплотную, ее руки невольно обвили вокруг шеи мужчины... На нем ничего не было, даже исподки, будто в бане, и под пальцами она вместо теплой человеческой кожи, липкой от пота, ощутила что-то сухое и гладкое, но неровное, прохладное... похожее на чешуйки.

И тут же страстный любовник вскрикнул странным низким голосом – совсем не таким, каким говорил перед этим, – зашипел, как от сильной боли, и резко отпрянул. Потрясенная, дрожащая Предслава, обливаясь дрожью от непонятного ужаса, отшатнулась в другую сторону и безотчетно вцепилась в маленький кожаный мешочек у себя на шее. Залоснившийся, блестящий, двадцать лет назад накрепко зашитый заговоренной ниткой, он хранил в себе корень волшебной князь-травы солонокрес. Корень этот Милорада подарила дочери Дивляне, когда отпускала замуж за киевского князя Аскольда, а та в свою очередь отдала материнский оберег своей дочери, когда провожала ее из Плескова в Коростень за князя Володимера. Солонокрес – одна из самых могучих волшебных трав: он оберегает женское здоровье и дает плодовитость, защищает от всякого зла, чужой зловредной ворожбы и нечисти, помогает сохранять и привлекать силу и мудрость. Повинуясь прощальному наказу, Предслава носила оберег день и ночь, не снимая, и почти забыла о нем, но... похоже, он сослужил ей службу.

– Ш-што это у тебя? – прошипел из темноты досадливый, странно изменившийся голос. – Больно... Ж-жет... Огнем палит палючим... Ножом реж-жет острым... Убери! Сними! Сними да выбрось, слышишь, что я сказал! – с неодолимой властью вдруг крикнул голос, и рука Предславы невольно дернулась к ремешку...

Но тут она опомнилась. Солонокрес ни разу еще не помешал ее мужу приблизиться к ней, он даже его не замечал. А ночной гость не только заметил – оберег жжет его и режет. Значит...

– Сгинь, пропади, нечистый дух! – крикнула Предслава. – Уходи, откуда пришел! Чур меня, чур! Веснянка! Снегуля! Лугата, просыпайтесь! Огня дайте! А ну, вставайте все!

Она кричала во весь голос; и из темноты слышалось испуганное оханье челядинок. А ее слух уловил тихий шепот... или шипение, или шуршание, от которого шевелились волосы на голове и пробирала нехорошая дрожь, будто что-то чужое, злое трогает саму душу внутри тела.

Когда Снегуля наконец раздула уголек и засветила лучину, в избе не оказалось никого лишнего. И снаружи в городе все было тихо: Коростень спал, и не было никаких признаков того, что княжья дружина находится здесь или поблизости. При свете Предслава окончательно проснулась – вернее, убедилась, что не спит, – и со всей ясностью осознала, что ночной гость никак не мог быть ее мужем. Володимер не мог вернуться домой без дружины, а дружина не могла подойти к городу так, чтобы княгиня об этом не узнала. Не через тын же он перелез к себе домой, будто тать! Да и как бы человек открыл дверь, заложенную засовом, пробрался через сени, где спит кое-кто из челяди?

– Это к тебе налетник прилетал, – сказала ее свекровь, старая княгиня Чтислава, когда утром Предслава рассказала ей о происшедшем. – Змей-налетник, я в молодых годах много о нем слышала. Есть, говорят, такие молодцы зазорливые, что умеют перекидываться и по-змеиному, и по-человеческому. Ты не разглядела его? У него голова, наверное, была как у орла, хвост как у змеи.

– Слава чурам, что я его не видела, если он такой! – Предслава, невыспавшаяся и бледная, снова схватилась за оберег. Ей было страшно и неприятно вспоминать ночь, будто случилось нечто грязное и постыдное.

– Или он мог быть как парень молодой выше пояса и как змеюка-уж пестрый – ниже. Ты говоришь, почуяла у него чешуйки на шее?

– Да. – Предслава содрогнулась от отвращения, снова вспомнив это.

– Значит, это был он – змей летучий. Ведь ты давно мужа не видела. – Старая княгиня тяжело вздохнула, потому что тоже давно не видела единственного сына. – Тоскуешь по нем, поди... А змей чует, где жена тоскует по мужу,

вот и приходит... Нужно тебе нарвать травы дедовника, а еще хорошо помогает трава вратига...

– Что это за трава?

– Я не знаю, как она здесь называется. – Княгиня Чтислава родом была моравская княжна и до сих пор иногда употребляла слова родного языка, неизвестные деревлянам. – Еще, мне мать рассказывала, помогает трава тинтявата, троян, чемерика и одолян...

– Одолень-трава от всего помогает. – Предслава хмуро кивнула. – А еще плакун да боронец. Ох, спасибо матушке, что солонокрес мне отдала!

Разбирая травы, для хранения которых у нее был заведен отдельный ларь, Предслава все думала о ночном госте. Конечно, и она знала немало повестей и баек о том, как змей-летавец, змей-налетник посещает женщин, тоскующих по отсутствующим мужьям, прикидывается этим самым мужем, склоняет к любви... и высушивает бедную бабу до смерти. Но почему к ней? Если бы ее спросили, любит ли она мужа, Предслава ответила бы «да»: Володыня ценил ее, не обижал, и хотя они порой ссорились, она не считала свое замужество несчастливym и даже скучала по мужу, когда его долго не было. Особенно под конец отлучки, когда недостатки супруга бледнели в памяти.

Но не тосковала до такой степени, чтобы привлечь любовника с Той Стороны! Не теряла вкус к жизни, не вертелась по ночам, не плакала от тоски, не торчала целыми днями на заборе, вглядываясь вдаль и ожидая «ладо свое». Скорее бы змей к Обещанке прилетел, которая вышла за своего Собиню только перед Корочуном и обмирает от любви. Спросить, что ли, не был ли и у нее? Но как спросить – слухи пойдут, что с княгиней нечисто...

Тем вечером Предслава не велела гасить огонь, а челяди наказала по очереди сторожить и не спать. Даже распорядилась пса со двора привести в избу – уж он-то почует чужого, если Снегулю и Веснянку сон сморит. Однако ночь прошла спокойно: свет, присутствие людей и собаки, а также солонокрес, одолень-трава и плакун-трава, которыми она в изобилии обложила лежанку, делали свое дело. Никто не тревожил ее и в следующие несколько ночей, и Предслава уже решила, что навсегда избыла летучего гада, как вдруг пришло известие, дымом развеявшее ее покой.

* * *

Приближались Дожинки, а вместе с ними праздник последнего снопа. Под вечер, когда народ разошелся с полей, Предслава сидела в обчине на Святой горе с женами-большухами, обсуждая предстоящий обряд и распределяя, кто что готовит и какие припасы несет. Из всех трудов страдной поры княгине доставалось сжать только первую и последнюю полоску на ниве, на которой проводились и прочие обряды, заклинающие плодородие всей деревлянской земли. Вдруг у дверей послышались крики: сразу с десятков женщин, детей, подростков, даже мужчин ломились внутрь, крича наперебой:

– Дружина возвращается!

– Князь едет!

– Наши едут по Уже!

– Дружина! Князь!

Все загомонили, Предслава встала. Сердце забилося, вдруг стало жарко. С той ночи она постоянно думала о Володыне и стала уже с необычным нетерпением ждать его возвращения: присутствие настоящего мужа уж точно избавит ее от посещений нечистого духа! Но почему же не предупредил? Вся дружина идет – а у них ничего не готово! Кто же знал?

Она шевельнулась, и все женщины, приняв это за разрешение, гурьбой, с гомоном и воплями, бросились из обчины наружу. У многих там были сыновья, братья, внуки, которых они видели дома так же редко, как Предслава Володыню. Княгиня пошла за всеми, прикидывая, успеет ли забежать на Княжью гору и хоть убрус переменить на нарядный – все-таки муж из похода возвращается! Но нет – выйдя из обчины и глянув со Святой горы вниз, она увидела вереницу лодей уже под самой кручей – некогда идти домой и рыться в ларе. Володимер сам виноват – не предупредил, пусть теперь любителю женой в повседневном платье.

Народ расступался перед ней, и Предслава вышла к круче, откуда было хорошо видно реку, усеянную крупными валунами, и каменистые берега, где приставали лодьи. Тех оказалось меньше, чем она ожидала, и Предслава глянула в сторону

поворота Ужи – отстали? Часть дружины уже высаживалась. Она заметила воеводу Крепимера, знакомые лица Володимировых кметей, кое-кого из нарочитых мужей, сопровождавших князя в походе.

Подошла свекровь, княгиня Чтислава, и встала рядом с ней. Предслава бегло глянула на нее и заметила, что старуха, так же как и она, скользит взглядом по лодьям и так же не находит самого Володимера.

Поначалу она не подумала ничего плохого, лишь удивилась мельком, почему Володыня задержался в Киеве, а дружину прислал домой. Но потом увидела Свенельда и удивилась еще сильнее. Если Володыня остался в Киеве, зачем приехал сын Ольга?

Кмети высаживались из лодей, топтались на берегу и валунах, поглядывали вверх, на гору, будто сомневались, в нужное ли место прибыли. И тут Предславе бросилось в глаза еще одно: у всех рубахи были надеты наизнанку, швами наружу. Поскольку сейчас не Корочун, это могло иметь только одно объяснение – знак скорби по мертвому. Кто-то... умер? Кто?

В первую очередь она почему-то подумала о князе Ольге. Недоуменно глянула на стоявшую рядом Чтиславу, увидела, как та переменилась в лице, и похолодела. Вся застыв, еще не решаясь довести мысль до конца – даже пустить ее по-настоящему в том страшном направлении, – Предслава стояла, опустив руки, будто березка на ветру, и ждала, пока воеводы подойдут к ней.

Свенельд первым вошел в ворота и сразу, без слов, обнял ее. Предслава покорно прильнула щекой к плечу своего двоюродного брата по матери, чувствуя суровый холст верхницы, надетой в дорогу, запах пота, речного ветра, и все еще ничего не понимая и даже не двинув руками, чтобы обнять его в ответ. Свенельд, рослый, красивый парень, ее ровесник, со светлыми, чуть вьющимися, как у отца, волосами, чертами лица напоминал скорее мать, княгиню Яромилу, а значит, был так похож на Предславу, что их легко было принять за родных брата и сестру. На шее его была повязана маленькая, порядком залоснившаяся уже косынка – знак того, что он обручен.

Так ничего и не сказав, Свенельд выпустил Предславу из объятий и развернул лицом к воротам. А там уже стояли воеводы, сопровождавшие Володыню в походе. Народ, тоже чуя неладное, толпился вокруг, лез почти на плечи

передним рядам. Висел тревожный гул.

– Ты уж прости нас, княгиня, что с печальной вестью мы пришли к тебе, с вестью нерадостной. – Вперед вышел воевода Крепимер и низко поклонился Предславе. Это был еще не старый, неполных тридцати лет, мужчина, принадлежащий к одному из самых знатных родов, что позволило ему, в сочетании с храбростью и отменным воинским умением, стать старшим воеводой Великой Деревляни. – Прилетали ясны соколы, одного только нет. Все-то мы в Коростень воротились, одного только нет – князя нашего молодого Володимера Доброгневовича.

Предслава не сводила с него глаз, ожидая продолжения; Свенельд обнимал ее за плечи, явно готовый подхватить.

– Видно, так Суденицы рассудили, так Перун порешил, – Предславе поклонился другой нарочитый муж, Собигнев. – Сложил князь наш буйну голову в сече лютой, подсекла его жизнь молодую Мара серпом своим серебряным.

– Что это? – Предслава повернула голову и посмотрела на Свенельда. – О чем они говорят?

Она понимала каждое слово, но при этом ее не оставляло странное чувство, будто к ней обращаются на неведомом наречии заморских племен.

– Плачь, сестра! – Свенельд вздохнул и потрянул волнистыми прядями. – Нет у тебя больше мужа. Погиб на Суле Володыня наш, в битве с Заславом. Там и погребли мы его, страву и тризну справили. Две седмицы миновало уже.

У Предславы подкосились ноги, и Свенельд с готовностью поддержал ее. Вокруг образовалась пустота, даже земля, казалось, растаяла. Весь мир исчез, выбросив ее в пространство пустоты. Две седмицы... Уже две седмицы как его нет на свете, а она не знала, жила себе как ни в чем не бывало...

– Ой, сыночек мой дорогой... – почти без голоса просипела рядом Чтислава, шатаясь.

– Князя нашего убили! – заголосила сперва одна баба, стоявшая поближе, а потом и прочие. – Кормилец наш! Опора наша! На кого же ты нас покинул,

сокол ясный!

– Плачь, сестра! – Свенельд слегка подтолкнул Предславу.

Она немного опомнилась: голос Свенельда пробился в пустоту сознания, напомнил о ее обязанностях. Даже в таких обстоятельствах она должна сделать все положенное, даже если не чувствует земли под ногами.

– И я думушкой не думала, и я мыслями не мыслила, – начала Предслава сперва тихо, глядя перед собой, но звук собственного голоса словно разбудил ее, и она заговорила громче. – Что придет скорая смертушка к моему да ясному соколу. И пришла-то туча темная в наше тепло-витое гнездышко, и пришла она, прирассыпалась снежками белыми, частыми льдинками, отняла у меня мужа любезного! Как я жить буду, бедная головушка, сирота горемычная, горькая вдовушка...

Она возвышала голос, и ей становилось легче, словно причитание рушило ледяные оковы; но взамен оцепенения приходила боль – объясняя самой себе слова причитания, она начала на самом деле понимать, что случилось. Свенельд выпустил ее плечи и отошел – теперь не стоило мешать сестре, даже если она упадет и станет биться о землю, потому что именно так и должна вести себя вдова, а Предслава, как он убедился, знала, что ей следует делать.

Да и как иначе – в их семье все знали свой долг и находили силы, чтобы его выполнить.

Расступись ты, сыра-земля-матушка,

Дай увидеть мне моего ясного сокола,

Моего мужа любезного, друга желанного!

Ты проснись, пробудись, мой любезный друг!

Не покинь меня, сироту горькую!

Как я буду без тебя свой век вековать,

Век вековать, горе горевать...

Следующие несколько дней Предслава провела как во сне. Над Коростенем висел плач и крик: вместе с Володыней погибла и часть дружины, и в городе и окрест появились сразу десятки вдов, рыдающих невест, горюющих матерей. Предслава почти не заметила, как Творяна обрезала ей косы, как ее покрыли белым платом со знаками Марены. Княгиня Чтислава была почти убита гибелью единственного сына и тоже голосила целыми днями, совсем обессиленная слезами и горем, так что сама Предслава пыталась ее утешать – да не знала чем. Если бы остались дети, им было бы легче, но детей Макошь молодой чете не послала: и неудивительно, если муж летом в походе, а зимой в полюдьё! Свенельд распоряжался всем в городе, умирлял народ, созывал старейшин на совет и уверял, что все будет в порядке. Князя не вернуть, но беззащитными деревляне не останутся и всего завоеванного не потеряют. А что потеряет она сама, Предслава поначалу не задумывалась, пока ей не напомнили...

Дня через три-четыре – она не была уверена, потому что дни в голове у нее спутались, – она проснулась ночью, снова с ощущением, будто рядом кто-то есть.

– Здравствуй, лада моя любезная, – шепнул прямо в ухо Предславе тихий голос, и она поспешно села. Непривычно короткие волосы лезли в лицо, и она отвела пряди, моргая, вглядываясь в темноту, но не различая ничего.

– Кто здесь? – так же, как и в прошлый раз, спросила она, но теперь уже зная ответ.

– Это я, ладушка моя дорогая, – с грустью ответил голос из темноты. – Разбудили меня слезы твои горячие, вновь пришел я тебя утешить.

Теперь Предслава сообразила, что и в прошлый раз, когда ночной гость приходил к ней, Володыня был уже мертв, только она еще ничего не знала. А значит, это на самом деле мог быть его дух.

– Володыня... – прошептала она. – Ты... пришел? Почему?

– Не могу оставить тебя в горести, лебедушка моя белая. – Чья-то невидимая рука скользнула по ее волосам, по лбу, погладила щеку, и Предслава отпрянула от этого прохладного дуновения. – Не могу уйти, тебя оставить, горемычную, врагам нашим на радость. Как ты будешь одна здесь, кто тебя защитит,

кто советом поможет?

Это был голос Володыни, но речи – совсем не его. С застарелым раздражением Предслава вдруг вспомнила, как много, много раз сама говорила мужу эти или очень похожие слова. Каждое лето по зову Ольга киевского Володимер охотно вставал в стремя – на волынян, на угличей, на тиверцев, на савар, на козар... На греков даже ходили однажды, пять лет назад, привезли огромную добычу, что подогрело ратный дух на много лет вперед. А зимой – полюдьё по Деревляни и земле дреговичей. Полюдьё, выходящее из Коростеня, описывало нешуточный круг: сперва на Днепр, вверх по течению до Березины, оттуда на Случь и вниз до Припяти, где неподалеку от устья Случи стоит Туров, стольный город дреговичей, потом вверх по Припяти до устья Горины, на другую Случь и по ней до истоков, обратно в Деревлян, там сухим путем на верховья Тетерева, вниз по нему опять на Днепр и наконец на Ужу. Огромный путь – хватало на всю зиму. Да, иначе, кроме как водить дружину по подвластным землям, князь и не смог бы прокормить ту ее часть, что летом отправлялась в походы. Так же были вынуждены делать и прочие князья, с недавних пор заведшие себе постоянную личную дружину, в отличие от прежнего племенного ополчения, созываемого в случае войны. Собирая дань, значительную ее часть дружина там же и проедала на пирах, устраиваемых для нее местными волостями, а остаток шел на припасы для летнего похода. Продавалась «несъедобная» часть – меха, шкуры, лен, воск. Но ведь Володыня мог хоть иногда отправить в поход воеводу Крепимера, а самому пожить дома с женой! Собственно говоря, так и требовал обычай предков: для войны – воевода, для повседневных дел и суда – князь. Но после прихода варягов многое изменилось: и полянские, и деревлянские князья стали все больше следовать обычаям «морских конунгов», для которых война и поход были главным делом жизни.

– Уж сколько лет я сама себе советом помогаю! – в сердцах бросила она, не веря, что обращается к мужу, от которого уже не надеялась услышать ни слова. – Один Рулав мне все четыре года был и защита, и опора, и советчик.

– А детей тоже от Рулава родить хочешь? – Невидимый гость засмеялся. – Да он стар, для этого дела не годится. Подумай, ладушка моя, что теперь-то с тобой будет? С землей деревлянской? я ведь последний мужчина был в роду. Умри я без потомства – кто в Коростене князем сядет? Все Ольг себе заберет. И ты-то кто теперь? Была ты княгиня, а теперь – вдова горькая, горлица на сухом дереве. А будет у тебя сын – он князем станет и род наш навек в Деревляни

утвердит. А до его возраста ты полной хозяйкой останешься.

– Где же ты раньше-то был? – У Предславы снова потекли слезы. – Сын! Род утвердит! Не я ли тебе говорила...

Она закрыла лицо руками: давно ее уже мучило и повергало в стыд то, что за четыре года она не сумела родить ребенка, но Володыня только смеялся и уверял, что они еще молоды и будет у них со временем семеро сыновей.

– Теперь-то я понял, что ты правду мне говорила, остерегала! – Невидимый гость оказался рядом, его руки мягко легли на ее плечи. – Но беде помочь можно. Будет у нас сын.

– Да как же! Если я теперь понесу, ославят меня на весь белый свет!

– Не ославят. Он скоро родится, никто не узнает, что не до похода он был зачат, а теперь. И вырастет он, будто из воды выйдет – всего семь лет минет, а он уже будет витязем могучим, всем соседям на страх, деревлянам в помощь. Нигде ему супротивников достойных не найдется, и сам еще и полянскую землю деревлянам под руку приведет.

– Поймай! – Предслава отстранилась, сбросила невидимые руки со своих плеч. – Родится? Но как...

– Как все дети родятся: от лона материнского, от семени отцова. Обними меня в последний раз, супруга моя верная, голубка моя белая. Только одно мешает: это... что на шее у тебя... сними это, убери, и скоро будет у тебя сын, утешение и отрада.

Предслава безотчетно положила руку на грудь и коснулась мешочка с корнем солонокреса. И вспомнила, как досадливо, по-змеиному шипел ее гость в прошлый раз, наткнувшись на оберег. И снова ей стало жутко. Умом она знала, что муж мертв, но душой не принимала того, что жизнь ее разбита, что она осталась одна и непонятно, что с ней станет дальше. Оттого все время казалось, что это сон, что вот-вот она проснется и все станет как раньше... Даже в возвращение мужа ночной порой легче верилось, чем в то, что он не вернется никогда... Но этот змеиный шип, его страх перед солонокресом явственно напомнили ей, что теперь этот «муж», кто бы он ни был, ей не пара...

– Отойди, – охнула она, крепче вцепившись в мешочек. От сильной дрожи ей было трудно говорить. – Не верю я тебе. Не будет добра... Какой же сын, если ты... м-мертвый...

– Лучше от мертвого сын, чем никакого, – с лаской, за которой Предславе теперь слышалась тайная досада, продолжал голос ее мужа. – О себе подумай, глупая. Что тебя ждет-то, вдову горькую? Ольг киевский сгонит тебя теперь из Коростеня, а сюда сына своего посадит. Или не для того он сестру мою взял ему в невесты?

Это была правда: одновременно с тем, как Предслава вышла за Володыню, было справлено обручение его сестры, тринадцатилетней Людомилы, со Свенельдом. Обменом невест скрепляется союз двух равных родов, и Предслава, племянница Ольга, послужила средством союза с его стороны. Со времени обручения княжна Людоша жила в Киеве, но со свадьбой Ольг не спешил, хотя возраст обрученных уже это позволял. Он не желал спешно связывать сына знатной женой, от которой не так легко будет отказаться, пока у Володи и Предслavy не родились дети и судьба коростеньского стола оставалась неопределенной. Предслава даже думала, что, успеет она родить трех сыновей за время своего брака, Ольг, пожалуй, поискал бы сыну другую невесту. Но теперь, конечно, свадьба состоится в самое ближайшее время, и Свенельд займет в Коростене место погибшего свояка. Брак с Людомилой, внучкой предпоследнего деревянского князя Мстислава, даст ему это право. И где Предслава, княгиня-вдова, найдет себе место?

– Не противься счастью своему, ладушка моя, – снова шептал ей в ухо ласковый голос; казалось, это говорит сама темнота. – И себя, и род Мстиславов спасешь. Все деды наши из Ирья возрадуются!

Князя Мстислава она видела, но трехлетней девочкой, и помнила очень плохо: в памяти задержался образ крупного человека с громким голосом и большой полуседой бородой, в которой сама она тогда могла бы спрятаться, будто в кусте. Но дед Володи пользовался в Коростене уважением, и Предслава не раз слышала сетования о том, что от его рода осталось так мало. Помощи в продолжении Мстиславова рода ждали от нее...

– Дашь сыну имя Мстислава, и всю славу дедову и прадедову он воротит и преумножит, – уговаривал ночной гость, ласково сжимая ее руки прохладными

ладонями, гладкими, будто у младенца, – совсем не такими, какие бывают у взрослых мужчин, и Предславе мерещилась скользкая, мелкая чешуя на этих сильных руках. Она старалась отнять, освободить свои пальцы, но его руки снова ловили их: казалось, они были везде. У тьмы имелась тысяча рук, обнявшая ее со всех сторон и зажавшая в кольцо... – Обними меня, душа моя желанная, ягода моя сладкая... – И словно тонкий, горячий змеиный язык скользнул по ее лицу.

Предслава вскрикнула: несмотря на темноту, ей вдруг привиделся рядом огромный змей.

– Уйди! – крикнула она. – Сгинь, пропади, не смущай меня! Не желаю тебя, уходи, откуда пришел!

– Пожалеешь-шь... – прошептал голос, постепенно тая в отдалении.

Весь остаток ночи Предслава не могла справиться с дрожью и заснуть; она покрывалась потом, ей было то жарко, то холодно, даже велела разбуженной Снегуле сделать ей отвар одолень-травы и лишь под утро забылась. Проснулась она еще более усталой и больной. Никто не удивлялся, относя ее состояние за счет горя вдовы. Но на Свенельда, зашедшего ее навестить, она впервые взглянула по-новому. Вспоминались речи ночного гостя: Свенельду на руку смерть Володины, теперь он сам станет деревлянским князем. И уже скоро.

Подошли сороковины: последний день, что душа умершего проводит на земле, прежде чем уйти по Велесовой тропе. Снова накрыли столы в княжьей избе и в гриднице, чтобы вместить всех приглашенных, подали поминальное угощение – пшеничную кашу с ягодами черемухи, блины, кисель. Старейшины сидели с суровыми лицами, все в белых рубахах швами наружу.

– Вся родня за столом сидит, только нету одного гостя милого, – причитала старая княгиня Чтислава, – гостя милого, моего сынка любезного, Володимера свет Доброгневовича! Как одно на небе солнышко, так один ты был у родной матушки! Как один на небе светел месяц, так один ты был, князюшка, в земле деревлянской!

Волхвы пели кощуны, описывая путь души на Тот Свет, вспоминали сказания о предках Володины, с которыми он теперь повстречается. Предслава вступала в свой черед, причитала и жаловалась:

– На кого-ты меня приоставил-то? На кого ты меня припокинул-то? – но делала это скорее по обычаю, за прошедшие дни наконец приняв смерть мужа и смирившись с переменой в своей судьбе.

Гораздо больше ее в это время занимало другое: теперь ей очень хотелось бы знать, что ее муж действительно ушел Велесовой тропой и больше не станет ее тревожить. Ночами она спала плохо: боялась темноты, боялась закрыть глаза, несмотря на то, что ложилась теперь не одна, а между Снегулей и Чтиславой, чье присутствие должно было защитить ее. Огня не гасили до рассвета, но стоило ей опустить ресницы, как темнота вновь тянула к ней сотни цепких рук, рядом слышалось шуршание свивающегося в кольца исполинского змея, пришедшего за ней...

А и спрашивает Велес у Володимера Доброгневовича:

Все ли тебе, молодцу, понравилось,
как твоя душа поминается?

Отвечает молодец, свет Доброгневович:

Все мне, молодцу, понравилось,

Только одно не нравится –

Что жена моя горько плачется,

Горючими слезами заливается... –

пел Далибож, и Предслава действительно не могла удержать слез, слушая, как устами волхва ее муж окончательно прощается с белым светом и кланяется богу Закрадного мира. Хорош он был или плох, но это был ее муж, она с самого детства привыкла связывать с ним свою судьбу, собиралась жить рядом с ним до седых волос, в мечтах видела себя и его в окружении детей и внуков, и ей трудно было по-настоящему принять то, что все мечты развеялись и действительность ее – горькое бесплодное одиночество.

– Был у меня хороший муж, был, да и не стало, – уняв слезы, произнесла она, когда Далибож окончил. – Не стало, да и не надо.

Эти слова тоже предписывал обычай: сегодня был последний день, когда полагалось горевать и причитать по мертвому. После проводов души слезы родных затрудняют ее переход к новому рождению и потому вредны; обычай велит вдове смириться с потерей и не мешать умершему идти своей дорогой. И едва ли кто из довольных своим бывшим браком вдов произносил эти слова с большей искренностью, чем Предслава: она надеялась, что теперь-то покойник больше не придет к ней, зная, что она отпускает его.

Всей толпой собравшиеся вышли к воротам и широко распахнули их, давая душе умершего путь на волю. С окна сняли рушник с поминальными узорами, отнесли на жальник и повязали на бдын – столб на кургане князя Доброгнева, отца Володыни. Так уж вышло, что из четверых мужчин последних поколений семьи только он один погиб и был погребен в родных местах. На том завершился поминальный пир; душа молодого князя покинула земной мир, оставшимся пора было думать, как жить дальше.

Еще через день Свенельд со своей дружиной уехал в Киев: убедившись, что в Коростене все мирно, он должен был теперь как можно скорее справить собственную свадьбу и вернуться уже с молодой женой, в качестве нового князя деревлян. Все понимали, что именно так и будет, и даже старая княгиня приободрилась, надеясь на скорую встречу с любимой дочерью, которая останется с ней навсегда и, наверное, еще порадует одинокую женщину рождением долгожданных внуков. Предсладу Свенельд на прощание обнимал, утешал, обещал, что он и его отец ее не оставят, уговаривал держаться и обещал прислать за ней людей, когда придет пора ехать в Киев на свадьбу. Старейшины намекали ему, что неплохо бы справить свадьбу здесь, в Коростене, но Свенельд ссылаясь на старинный обычай, по которому невесту возят к жениху, а не наоборот. На самом деле, как подозревала Предслава, он не хотел привозить Людомилу на родину, пока та не стала еще его женой. Весь в отца, Свенельд был смел, но осторожен и предусмотрителен. А может, сам Ольг ему так приказал.

Предславе он тоже предлагал ехать в Киев уже сейчас, вместе с ним, но она отказалась. Бросить деревлян, потерявших князя и оставшихся сиротами?! Неужели и она, их мать, покинет племя, пока некому его передать?! Молодая вдова более-менее оправилась, взяла себя в руки и снова принялась за дела:

разве мало ей приходилось заменять мужа во время его бесконечных походов? Разве мало она отдавала распоряжений и даже разбирала тяжбы между родами, опираясь на совет старейшин и мудрость Рулава? В душе она даже положила себе считать, что Володыня просто ушел в очередной поход. Пока она будет думать, что он вернется... на первых порах это поможет держаться, а со временем она привыкнет жить вовсе без него.

Вот только сам Володыня не радовался ее смирению и не желал уходить. В первую же ночь после отъезда Свенельда Предслава увидела... его. На ларе с выпуклой крышкой горел светильник, и Предслава, разбуженная тихим шепотом, сразу увидела того, кого раньше только слышала. И вскрикнула, различив темную фигуру возле лежанки, лицо с чертами Володыни. Это был он, но настолько мрачный, что казался совсем другим существом.

При жизни Володыня был легким, веселым, даже легкомысленным человеком. В случае каких-то неприятностей он предпочитал махнуть на них рукой, а если они все же не отставали, его довольно красивое лицо с ясными чертами, обрамленное русой кудрявой бородкой, принимало обиженное выражение, как у ребенка, у которого не ладится игра. Но ни разу Предслава не видела у него такого сумрачного лица, такого тяжелого взгляда исподлобья.

– Зачем ты... опять... пришел? – едва владея собой, пролепетала она. Голос из тьмы она еще могла считать мороком, но теперь ночной гость наяву был перед ней. – Или тебя из белого света проводили не по чести? Или мало даров погребальных поднесли?

Хоронили Володыню родичи: Свенельд и Унебор, и Предслава верила, что они все сделали как надо. Даже посмертную спутницу подобрали, из самых красивых молодых полонянок, захваченных на Суле! Так чего ему не хватает?

– Я ведь отпустила тебя. Отчего ты не идешь своей дорогой?

– Не могу уйти, жену молодую покинув, род не продолжив, – непривычно низким голосом отвечал он, и его взгляд жег Предславу, будто уголь, так что хотелось закрыться рукавом. От его присутствия ей было так тяжело, точно на сердце лежал ледяной камень: от этого камня по жилам растекался холод, было трудно дышать.

– Уходи. – Предслава сжала в ладони солонокрес. – Мне не нужно тебя больше. я знаю: от мертвых мужей доброго семени не бывает, если родятся дети от таких, как ты, то не живут долго и матерям добра не приносят. Уж не дала нам Макошь при жизни детей, теперь не надо.

– Не желаешь ты роду моему продолжения! Хочешь землю деревлянскую своему брату Свенельду отдать, Ольгову семени? Мало того, что он с твоим отчимом деда моего Мстислава погубил, стряя Борислава, отца моего! Теперь вся Деревлянь его роду достанется, а мы, Мстиславичи, сгинем, будто и не было нас! На тебя вина за гибель рода моего ляжет!

– Уходи! – закрывая лицо ладонями, чтобы не видеть этого сумрачного, такого знакомого и такого изменившегося образа, молила Предслава. – Не мучь, не томи меня!

– Неужели любви в сердце твоём вовсе не осталось? – с грустью взывал он. – Покинула ты меня, будто лебедушка малых детушек-лебедяточек. Одна сыра-земля меня теперь приголубит, одна Мара, Темная Мать, любовью согреет – да холодна любовь ее, будто вода Забыть-реки...

– Что же ты на берегу-то задержался? – Предслава отняла руки от лица. – Скажи, почему уйти не можешь, я помогу.

– Потому не могу, что нужна ты мне, березка моя белая. Любовь к тебе не пускает меня со света белого, не могу из рода уйти, продолжения ему не дав. Как смогут все деды наши возродиться, если я нового ростка на нашем корне старом не выращу?

– Нет, уходи, нет! – упрашивала Предслава, одолевая лихорадочную дрожь, смесь отвращения и какого-то болезненного возбуждения.

Наутро она позвала волхву Творяну, мудрейшую женщину Коростеня, и все ей рассказала. Та покачала головой и принялась за дело: притащила целый ворох сушеной полыни, дедовника, обложила ими дом, окурила дымом горящих трав Предславу и прохаживалась посолонь вокруг осиротевшей лежанки, приговаривая:

– Как по берегу лукоморью летел змей по поморью, молода княгиня им прельщалася, от тоски по князе убивалася, белизна ее умалялася, сердце тоской наполнялося, боялась, змей прилетит, ее обольстит. Тебя, змей, не боюсь, Перуну-батюшке поклонюсь. Как мертвому из земли не вставать, так тебе ко мне не летать, утробы моей не распалать, а сердцу моему не тосковать. Заговором я заговариваю, каменным тыном огораживаю, пеленой Макошиной покрываю...

Теперь каждую ночь то Творяна, то Лебедяна, то еще кто-то из волхвов бдительно нес дозор, прохаживаясь вокруг княжьей избы и постукивая в кудес, чтобы созвать своих духов-помощников и тоже поставить на стражу. Но это мерное постукивание лишь усиливало тоску и тревогу Предславы, вместо того чтобы успокаивать; казалось, она слышит шаги незримого существа, идущего за ней, все ближе и ближе...

Заговоры и дым волшебных трав помогли всего на несколько дней, а потом змей явился снова. Так продолжалось ночь от ночи. Никто, кроме Предславы, не видел и не слышал ночного гостя, но ей он не давал покоя. Она потеряла сон, худела, бледнела, не могла есть, и даже днем ей теперь везде мерещилось знакомое сумрачное лицо, спутанные густые кудри, стоявшие на голове шапкой. Если ей и удавалось заснуть, то тяжелые, давящие сны высасывали последние остатки сил вместо того, чтобы взбадривать. Ей теперь казалось, что это она сама застряла посреди Велесовой тропы между Явью и Навью и что лучше бы ей было идти по этой тропе до конца, коли не получается вернуться к обычной жизни. Неужели все вдовы переживают такое?

Глава 3

Ладожанин Воята прибыл в Коростень с самой простой целью – отвезти княгиню Предславу в Киев на свадьбу брата. Князь Ольг рассудил, что в это тяжелое время ей будет приятно увидеть рядом кого-то из материнской родни, способного поддержать ее. Рулав должен был остаться в Коростене за старшего, пока не прибудет новый князь с женой. Появление этих двоих мужчин и впрямь принесло Предславе заметное облегчение: рядом с ней теперь были люди, готовые и защитить, и посоветовать, любящие ее и не зависимые от местных сил. В особенности это относилось к Вояте.

За разговорами они засиделись долго, но в конце концов даже Предслава успокоилась и начала зевать в ладонь. Опомнившись, что гости с дороги, она разбранила себя и приказала всем укладываться спать. Но назад в гридницу Рулав и Воята не пошли: узнав, с чем здесь довелось столкнуться княгине, оба дружно выразили желание остаться и охранять ее от посещений мертвеца.

– Бабы не помогли, может, мы справимся. – Подмигнув ей, Воята вынул меч из ножен, и франкская сталь с особыми черными узорами сверкнула в свете огня. – У порога положу – авось не перейдет, хрен косорылый.

И Предслава даже слегка улыбнулась, услышав такое величание своего загадочного потустороннего гостя. Тем более что Воята выразился еще жестче и тем словно дал ей понять, что трепетать в благоговейном страхе тут не обязательно.

Предслава устроилась на лежанке, Весняна возле нее, а Рулав – на лавке, где обычно спала молодая челядинка. Воята сел на пол возле лежанки, прислоняясь к ней спиной. Из гридницы он велел принести свой топор и держал под рукой. Возбуждение от полуночных ужасов уже схлынуло, усталость брала свое. Как только все разговоры стихли, его веки сами собой опустились, сознание поплыло... В темноте висели огненные пятна, постепенно складываясь в цепочку; она протянулась где-то вдали, будто череда костров, обложившая виднокрай... или последняя полоска заката над самой землей... Или река, где вместо воды течет багровое пламя... И темнота – не просто пустота, это нечто живое... Огромный черный змей ползет, течет, медленно извиваясь, среди серых, будто пеплом посыпанных берегов, и каждый изгиб исполинского тела дышит мощью, равной мощи движения самого времени, которое не остановить никакими усилиями, никакой ворожбой...

Воята вздрогнул и очнулся, безотчетно сжав в ладони рукоять топора еще до того, как открыл глаза.

А открыв их, увидел прямо перед собой незнакомого мужчину.

Привычка воина будто подбросила его; в мгновение ока Воята вскочил, держа топор и равно готовый как к нападению, так и к защите. Сразу было ясно, что явился тот самый гость из тьмы, о котором рассказывала Предслава. Ночной пришелец имел вид молодого, лет двадцати пяти, мужчины, такого же роста,

как сам Воята, – чуть выше среднего, но сложением несколько плотнее и шире, с округлым лицом, кудрявой русой бородкой и шапкой таких же волос, с правильными, довольно красивыми чертами лица, но чрезвычайно сумрачным выражением. Взгляд его горящих глаз был прикован к лежащей женщине с таким жадным напряжением, будто одним этим взглядом он стремился выпить из нее жизнь.

Предслава приподнялась на лежанке, сжимая в ладони мешочек с солонокресом и едва не плача от отчаяния: насколько же силен этот дух, если ничто – ни присутствие людей, ни свет, ни острая сталь, ни волшебные травы-обереги – не может защитить от его вторжения! Вскочив, Воята встал между гостем и Предславой, и ей сразу стало легче: дрожь унялась, мысли прояснились.

– Это что еще за уд березовый? – услышала она возмущенный, хриплый после дремы голос Вояты. – Чего приперся? Или тебя сюда звали?

– Звали, – ответил пришелец. Предслава снова вздрогнула: теперь он говорил низким, гулким голосом, совершенно не похожим на голос ее покойного мужа. – Она звала меня. я пришел. Она задавала мне вопросы – я отвечу на них.

Осторожно, стараясь не терять нечисть из поля зрения, Воята покосился на Предславу. Она села и сделала ему знак: отойди. За спиной троюродного брата ей было гораздо спокойнее и теплее, но дух выразил готовность отвечать, и от разговора нельзя уклоняться! Ведь этого она добивалась, когда вышла под свет полной луны с человеческим черепом в озябших руках!

Рулав, разбуженный голосами, сел на лежанке; проснулись и челядинки, но, едва бросив взгляд на мертвеца, охнули и зарылись в подушки и одеяла.

– Да, я звала тебя, – стараясь говорить твердо, что в присутствии Вояты получалось легче, ответила Предслава. Она сама дивилась, настолько укрепило ее дух сознание того, что она не одна. – И я задавала вопросы. Ты готов отвечать на них?

– Я отвечу тебе. Ты звала меня силой Мариной Чаши. Пришел срок тебе узнать больше, чем ты знала.

– Кто ты и из какого мира? – задала она первый положенный при подобных встречах вопрос.

– Я – из Закрадного мира. Я – страж Забыть-реки. Зови меня Князь-Уж.

Предславу наполнили противоположные чувства: и облегчение – это не Володыня, ее муж благополучно ушел к предкам! – и ужас: ведь тот, кто явился ей, был гораздо хуже, чем любой самый злобный мертвец. На реке Великой, где выросла она, или в Ладогe, где росла ее мать, стражем Забыть-реки считали Ящера, воплощение и дух Волхова, Ильмерь-озера, Чудского озера и прочих северных вод. Перебравшись жить в Деревлянь, она узнала, что здесь это божество носит имя Князь-Уж и что река Ужа, на которой стоит Коростень, считается и земным воплощением его, и телом, и местом обитания – как в Ладогe Волхов.

Мельком глянув на Вояту, она удивилась решительному выражению его лица: он совсем не испугался, ни капли, а ведь не мог не знать, кто такой Зверь Забыть-реки! Перед ним стояло божество, наиболее почитаемое в их родных северных местах, но тем не менее всем видом Воята выражал готовность броситься на врага, будто перед ним обычный человек.

На самом деле он все понял – даже больше, чем Предслава. С детства он столько слышал, в основном от деда, волхва Святобора, о хранителе границы между Явью и Навью, что теперь Зверь Забыть-реки казался ему почти знакомым. Но ведь и Воята происходил из правнуков знаменитой Радогневы Любшанки, той, что заново дала начало почти истребленному русью роду ладожских Любошичей – старшего рода словен на Волхове, того, что первым утвердил договор с богами этой суровой земли. Из дев-Любшанок в течение веков выбиралась Дева Альдога – богиня Леля на земле и невеста Волхова. И многие из них в дни больших бедствий, войн, неурожаяев, наводнений ушли к своему темному жениху в его подводные палаты. А их братья из поколения в поколение знали, что, возможно, придет день, и самое дорогое существо, юную деву своего рода, придется в свадебном венке поставить на белую доску на воде – порог Нижнего мира, куда она ступит одна. Сколько из них исходили бессильной яростью, желая схватиться с Ящером за свою сестру – но было нельзя, ибо уговор надо выполнять. Все дети в Ладогe знали немало таких сказов, а потомки Любошичей – и подавно, ведь это были предания их собственного рода. И теперь, когда тот же самый Ящер, под другим именем в чужой земле, явился за сестрой Вояты – сына Святодары, внука Гневорады, правнука

Радогневы – в нем словно проснулись все те десятки братьев, не имевших права биться за сестру. А он – имел, потому что Зверь Забыть-реки жаждал завладеть ею безо всякого уговора. Значит, правда была за Воятой, и сам Лад Всемирья стоял на его стороне. При виде этих мрачных глаз и темной тени на якобы человеческом лице в нем поднялась волна ярости и жгучей, долго сдерживаемой ненависти – такая мощная, что зубы свело. В нем одном она не помещалась; казалось, эти чувства давно копились где-то снаружи, а теперь устремились в его душу, будто в распахнутые двери. Воята увидел врага, ненависть к которому была гораздо старше, чем двадцать два года его жизни, и начисто смыла его собственный, личный страх, как ливень – каплю росы с листа.

– З-зачем ты пришел ко мне? – пробормотала Предслава, движением руки делая Вояте знак не вмешиваться. Отвага брата придала ей сил, и теперь она была полна решимости выяснить, ради чего Зверь Забыть-реки мучает ее!

– Затем, что ты принадлежишь мне. Ты была обещана мне семнадцать лет назад.

– Что?

– Тебя выбрала себе на смену та, что прежде служила мне.

– Незвана? – Предслава вспомнила лицо колдуньи, которое увидела в лунном черепе.

– Да. Она служила мне и наполнялась моей силой. Она обещала отдать мне твою мать, но та ускользнула. Она обещала выучить тебя и сделать своей преемницей, чтобы ты тоже служила мне. Но она умерла, не успев выполнить обещание. я сам пришел за тем, что принадлежит мне.

– Она не принадлежит тебе! – Возмущенный Воята не мог больше молчать. – Незвана не владела ею и ее матерью и не имела права ими распоряжаться! Княгиня Дивляна – Огнедева, она служит светлым небесным богам, и тебе ее не достать!

– Огнедева – моя невеста. – По мрачному лицу духа впервые скользнула по-змеиному быстрая улыбка. – Испокон веков Огнедев отдают мне.

– Только род имеет право ее отдать!

– Она вошла в род деревлянских князей, и теперь ее род – здесь.

– Деревлянские князья не отдавали ее тебе. Незвана не принадлежала к нему. Это допустимо только с согласия рода и только в дни бедствий великих. И только если Волхов семь дней будет идти назад.

– Я захочу – и Ужа пойдет назад. И будет подниматься, пока не затопит Коростень и все кручи окрест, смоем все живое, так что и следа не останется. Ты обещана мне. Будь моей. – Темные глаза смотрели на Предславу с выражением призыва, в них горела какая-то вкрадчивая страсть, неявное обещание невыразимого блаженства. – я дам тебе такую силу, о какой не могла и мечтать та, прежняя. Ты производишь от двух княжеских родов, в тебе самая древняя кровь, кровь первых невест Волхова, что течет с неба в бездну, в ней заключена великая сила. Войди в мои воды, и никто из живых, да и мало кто из неживых сможет сравниться с тобой. Ты родишь сына, который удержит для вас Деревлянь и завладеет всей Русской землей. Богами и судьбой ему предназначено стать превыше всех, и ветви рода его протянутся во все стороны, осеняя белый свет. Он станет велик, будто солнце, и так же могуч... Ты будешь его матерью, и слава о тебе останется в веках, пока стоит Всемирье...

Он говорил, а перед глазами Предславы вставал ее собственный образ, изменяющийся на глазах. Она видела себя, одетую сиянием темной силы, себя, способную движением руки убивать и оживлять, и волны этой силы разливались из нее, будто из родника, по всему свету, подчиняя ее воле... Темное солнце, налитое грозовой синевой, стояло над ее головой, будто венец Марены. Она станет темным полуночным солнцем мира, воплощением Марены на земле... как ее мать была воплощением Огнедевы, богини Солонь.

– Нет. – Она зажмурилась и плотнее сжала в ладони солонокрес. – Мне тебя не надо. Если будет у меня сын, то от живого семени, а не от вод Забыть-реки. Незвана не передавала мне своих сил и своей службы. я ничего не взяла у нее и у тебя и ничего тебе не должна. Уходи! Сгинь!

– Пошел ты... – Уловив, что беседа окончена, Воята резко шагнул вперед и подробно объяснил, куда именно Зверю Забыть-реки волочить свой вонючий хвост и все прочее. Выросший в Ладоге, подходящих слов он знал много:

словенских, варяжских и даже чудских.

Ночной гость попятился, не отрывая взора от Предславы, но она больше на него не смотрела; прямо на глазах он начал таять, истончаться... и вот уже мелькнуло перед дверью облачко тьмы, будто дыра из белого света в бездну, в никуда... мелькнуло и растаяло.

Огонь загорелся ярче – в присутствии Зверя Забыть-реки, той малой его части, что он посылал в Явь для этой беседы, даже пламя светильника и лучин горело робко, будто пригнувшись и поглядывая боязливо одним глазом. Дышать стало легче. Но Предслава закрыла лицо ладонями и уткнулась в подушку. Теперь она знала, кто и почему ходит к ней. И это было гораздо хуже, чем она могла предположить.

Воята опустил топор и оторопело помянул йотунову мать: сам не верил, что заставил отступить Ящера.

– А ты смел, парень, – подал голос Рулав. Старый варяг сидел на лавке, спустив ноги, и смотрел на молодого с новым уважением. – я многое повидал, но даже мне было не по себе... Ведь этот... это порождение Хель – то же самое, что у нас зовут Нидхёггом?

– Ну, вроде того. – Воята пожал плечами.

– Но ты совсем не испугался! Ты что – родившийся заново Сигурд Убийца Дракона?

– Нет. я первый... или почти... почти первый парень из Любошичей, кто увидел в глаза этого гада... который веками забирал наших сестер... – Воята сжал кулаки, лицо его исказилось от застарелой ненависти, полученной по наследству. – И я имею право послать его к Кощею на хрен! Сотни моих предков в Ирии радовались, глядя на меня сегодня! я сделал то, что все они хотели сделать, но не могли. А ты говоришь – не испугался! Да за такой час полжизни отдать не жалко!

Он сделал знак перепуганной Весняне, будто мошку отгонял. Челядинка немедленно выползла с лежанки и метнулась прочь, к своему обычному месту на полатах. Воята лег на ее место, прямо в одежде поверх одеяла, придвинулся

к Предславе и обнял, желая дать понять, что не бросит ее одну, защитит от ходячих покойников и от всех злых духов Нижнего мира. Она ничего не сказала, но он чувствовал, что от его близости ей стало легче. Ощукая рядом живого человека, сильного мужчину и к тому же кровного родича, готового заслонить ее даже от божества Забыть-реки, Предслава почти успокоилась. Впервые за много, много дней ее отпустили тоска и отчаяние одиночества. Ее материнский род был древен, могуч и знатен: сколько вышло из него прославленных воинов, кощунников, целителей, волхвов. И Воята, другой побег того же дерева, ручеек той же реки, сделал ее сильнее даже не вдвое, а больше, словно соединил ее с неисчерпаемой мощью рода, чьи ветви широко раскинулись в Яви, а корни глубоко уходили в Навь. Огражденная этой несметной силой, она почувствовала себя в безопасности. Ведь брат сказал правду – только род имеет право отдать ее Ящеру, а в его лице род решительно отказался сделать это. Даже Зверь Забыть-реки был вынужден считаться с этим, но... едва ли он так просто отступит.

Воята прислонился лицом к повою, который она при мужчинах не снимала на ночь. Даже сквозь лен проникал запах полыни и еще каких-то душистых трав, которыми она мыла волосы. Это была его сестра, женщина его материнского рода, его крови, и он был готов сделать ради нее все на свете. Даже удивился вдруг, как жил столько лет без нее и даже о ней не думал, в то время как она, оказывается, так сильно нуждается в нем! Но теперь все будет иначе.

* * *

Проснувшись и еще не открывая глаз, Предслава сама удивилась тому чувству блаженного покоя, тепла и безопасности, которые наполняли все ее существо. Она даже не помнила, когда испытывала нечто подобное, да и было ли ей когда-либо раньше так хорошо. Все последние месяцы она жила с чувством конца, а теперь у нее вдруг появилось ощущение, будто началось что-то новое, обещающая перемены к лучшему, движение вперед – словно зима перевалила за середину и впереди забрезжила если не сама весна, то хотя бы ожидание ее. Что-то такое случилось...

Рядом с ней кто-то лежал: мужчина, это она знала, даже не глядя, от близости сильного тела ее пронизывало ровное тепло. На миг подумалось, что все горькие события последних месяцев ей померещились, привиделись в страшном сне, что все по-прежнему, что Володыня жив и вернулся, и все опять будет хорошо.

Но не верилось; под веками стало горячо и влажно от прихлынувших слез – нет, ничего уже не будет, как было...

Она передвинула руку и коснулась чьей-то головы на подушке рядом с собой. Волосы на ощупь были прямые, гладкие и мягкие, совершенно не такие, как у Володины. Теперь она вспомнила. И открыла глаза.

Воята ровно и почти бесшумно дышал во сне, одной рукой обнимая ее, будто для надежности, чтобы не украли. И ведь было кому украсть! Все в избе еще спали, лучины и светильник догорели, было почти темно, но чувствовалось, что осенний рассвет уже наступает. Вглядываясь в его лицо в полутьме, Предслава думала: а ведь и правда. Вот оно, средство прогнать змея! Ей ведь предлагали... может, напрасно она тянет, не может решиться, своими руками отталкивает средство спасения?

После отъезда Свенельда деревляне были рады и благодарны княгине за то, что она осталась с ними и снова взяла дела в свои руки. Но не только она одна задумывалась о будущем этого племени. В народе пошло брожение: понимая, что скоро над ними сядет пришлый русский князь, деревляне волновались, опасаясь впасть в полную зависимость от Киева, которая до сих пор была не слишком обременительной. Пусть они и платили дань, но у них сидел свой, деревлянский князь, внук Мстислава, и он, хоть и величал киевского Ольга «названным батюшкой», все же был сам по себе. Но теперь деревлянами станет править родной сын Ольга, такой же русин – ибо ладожан, из которых происходила мать Свенельда, здесь всех считали «варягами». Понаедет с ним руси всякой, деревлянам и вовсе вздохнуть станет нельзя! Предслава, занятая своими переживаниями, этого почти не замечала, пока однажды к ней не явились волхвы и старейшины.

– Поплакала ты, княгиня, мужа с честью проводила, да и довольно, – первым заговорил Далибож, когда она пригласила их сесть на лавки в княжьей избе. – Надо думать, как дальше жить станем.

– Вашим князем будет Свенельд, Ольгов сын. Он получит право на власть в Деревляни вместе с женой, Людомилой Доброгневовной, внучкой Мстислава.

– А мы не желаем Свенельда! – выкрикнул Крепимер. Это был человек довольно буйного, горячего нрава, честолубивый и самоуверенный. – Пусть Ольгов род

в Русской земле и сидит, коли сумел утвердиться, а у нас тут не Русская земля! Здесь Деревлянь Великая – стояла она, пока о полянах и руси и не слышал никто, и стоять будет, когда от них и памяти не останется! Мы им не челядины и не смерды! У нас свое княжение и свой род княжий, будем жить сами по себе!

Старейшины загомонили в знак поддержки – Предслава видела, что Крепимер выражает общее мнение.

– Князь Ольг помог деревлянам привести под свою руку дреговичей, – напомнила она. – Через Киев мы ведем торговлю с греческой землей. Свенельд рассказывал, что докончание князя Ольга с греческими царями наконец утверждено, теперь эта торговля станет еще более выгодной. Разрывать союз с Ольгом было бы неумно и... опасно. Дреговичи тоже захотят получить волю, а сможем ли мы укротить их без помощи Киева?

– Дреговичей мы удержим! – заверил ее Крепимер. – Была бы крепкая рука! – И он улыбнулся ей с намеком, дескать, рука такая найдется. – А Ольг на нас ратью не пойдет – ему путь по Днепру надо оборонять, от Северяни отбиваться, он сам еще с нами союза запросит, мира и дружбы, но только теперь уж безо всяких кун!

И старейшины снова зашумели при напоминании о дани, которую выплачивали Киеву уже семнадцать лет, со времен смерти Мстислава и его сыновей.

– Был у нас добрый князь, да взял его Перун – нужен князь новый, – весомо произнес Далибож. – Не послали тебе, княгиня, боги сыновей, так можешь ты нам нового князя дать, коли выберешь себе мужа.

Предслава не ответила. По древнему праву она, вдова, могла взять в дом нового мужа по собственному выбору, а поскольку она княгиня, то с ее рукой к нему перейдет и право на власть в Деревляни. Мать рассказывала, что в возрасте Предславы ей пришлось делать тот же самый выбор. Как схожи оказались их судьбы: мать и дочь обе овдовели на пятом году замужества! Вот только у Дивомилы к тому времени было уже двое детей: Предслава и ее брат Ярополк Аскольдович.

Дивляна на ее месте решила и сделала выбор, который мог бы сохранить для нее и детей право на власть в Киеве. Не ее вина, что судьба сложилась

иначе. Но Предслава не могла отважиться сказать «да» этим людям. Она отчетливо понимала, что ее согласие обречет всех их на войну с Киевом. Возможно, Крепимер прав и у Ольга киевского не хватит сил воевать сразу и с саварами, и с деревлянами. Но она не могла так сразу сделать этот шаг и послать деревлянских сыновей умирать, даже надеясь на конечную победу. Ведь она – женщина, а противостоять ей будут сам князь Ольг, Свенельд, прочие полянские, князь – Унебор черниговский и Берислав переяславльский. Ей придется бросить вызов не кому-нибудь, а мужу своей родной тетки Яромилы, сестры матери. Одобрят ли такую ее отвагу семья Предславы – мать, отчим Волегость плесковский, братья Ярополк и Володислав? Прочая родня – старый Белотур, двоюродный брат ее давно покойного отца, его сын Ратеня – радимичский князь? Могучий князь смолян и днепровских кривичей Станислав, который тоже считает себя их родичем? Да уж скорее все они поддержат Ольга, потому что к Киеву тянутся нити от каждого из племен и городов, мир и торговля нужны всем, и ей придется сражаться со всей своей родней. Едва ли чуры ее на это благословят.

– Как я, женщина, смогу противиться воле князя Ольга? – наконец ответила Предслава, обводя глазами старейшин. За этим именем стояло слишком многое, а они, кажется, не осознают этого.

– Не ты – женщина, а мужчина, муж твой! – наставительно пояснил Далибож. – Избери мужа себе, княгиня, чтобы был роду достойного, разумом остер, душой отважен, богами и предками любим – он и тебя, и Деревлянью Великую от врагов отстоит!

– Но кто же это? – Предслава в изумлении оглядела собравшихся, внезапно заподозрив, что у них уже готов для нее жених и между собой они ее судьбу уже решили.

– Или сама не видишь, княгиня? – Крепимер низко поклонился, глядя на нее веселыми серыми глазами, и поправил ус. – Стою перед тобой, как лист перед травой!

Предслава смотрела на него во все глаза. Крепимер был не так чтобы красавец, но и не дурен собой, еще молод, силен, удал, славился как отличный боец, и сама она не раз любовалась его воинским умением, силой, напором во время обрядовой борьбы в Медвежий день или на Ярилины велики-дни. Его самоуверенность ей претила, но во время драки им можно было

залюбоваться – силой, быстротой, точностью движений. В кругу мужчин его уважали и побаивались; с княгиней он держался неизменно вежливо и почтительно, но Предслава не доверяла ему, понимая, что с ней он совсем не такой, каков на самом деле. Мысль получить его в мужа потрясла ее, но она даже не поняла поначалу, как к ней отнестись. Самой ей бы это не пришло в голову: Крепимер был достаточно привлекателен как мужчина, но слишком самолюбив, упрям, горяч нравом, вспыльчив и склонен к буйству. Отдаться в его власть, вручить ему свою судьбу и судьбу будущих детей ей казалось совсем не разумным.

– Я и родом хорош, и удал, и всем взял! – продолжал он, будто расхваливал товар. – А коли кто против меня – выходи силой помериться!

Он огляделся, будто ждал, что кто-то бросит ему вызов. Прочие старейшины в основном были уже не в тех годах, чтобы с ним бороться, да и во всей Деревляни ему не много нашлось бы достойных соперников. И если кто и сумеет удержать в повиновении дреговичей во главе с их князем Будерадом туровским, то разве что он. Но Ольг... принять сторону Крепимера против собственной родни Предславе казалось диким.

– Не рано ли мне о новом замужестве думать? – заметила она. – Покуда мои косы не отрастут, Макошь и Лада благословения не дадут.

– Благословение мы тебе выпросим, – заверил Далибож, который, кстати, приходился Крепимеру вujem. – А долго ждать – времени нет. Промедлим, упустим срок – сюда новый русский князь явится. Коли сядет, его так просто потом не выкорчевать. А так – созовем вече, спросим, люб ли деревлянам такой князь, да справим свадьбу – и для руси здесь места не будет!

– Не будет! Не надо нам руси! – зашумели старейшины. – Навек за корнем своим власть утвердим!

Эти слова привели Предславу на память прельстительные речи ночного гостя. Кое в чем эти люди правы: две бабки по бокам не спасают молодую вдову от посещений мертвеца. Изгнать его навсегда от ее постели сможет только другой муж – живой. Уж Крепимер не постесняется и бывшему князю, что явится из могилы, врезать с размаху промеж глаз, если вздумает лезть на прежнее место! И насчет «утвердить корень» он тоже не спешит: у него уже есть

пятеро детей. Конечно, женись он на княгине, она сделается его старшей женой, а прежней придется перейти на место младшей, но его дети, из которых трое сыновей, все равно останутся его детьми, причем старшими, и станут сильными соперниками для возможных детей Предславы в борьбе за княжий стол. Жизнь, которую ей предлагали, сулила одни сложности и очень мало радости.

– Я должна подумать, – наконец выговорила она. – Не невольте меня сейчас, люди добрые. Дайте на раздумье хоть три дня.

– Три дня – это можно. – Далибож кивнул, и Крепимер снова улыбнулся ей. – А там тянуть нечего. Будем вече созывать, так, мужи деревлянские?

– Будем! Созывай!

Все стали подниматься, с шумом стуча посохами, кланялись Предславе, прощались и шли к двери. А она осталась сидеть, понимая: еще немного, и эти люди выдадут ее замуж. Они уже все решили. Но и Ольг в Киеве тоже все решил. Давно решил. И именно она, Предслава, окажется между Киевом и Коростенем, будто малое зернышко меж каменных жерновов.

Казалось бы, поддержанное волхвами и старейшиной сватовство Крепимера должно было помочь молодой вдове вновь обрести землю под ногами, но этого не случилось. Был бы здесь Рулав – она могла бы посоветоваться с ним, хотя и сама понимала, что он скажет. Но Рулав, хоть и вернулся в составе посольства от греков, пока оставался в Киеве, и некому было заслонить Предславу от одолевающих ее домогательствами живых и мертвых «женихов».

Оба они, дух Володыни и Крепимер, проявляли настойчивость, не давая ей покоя ни днем ни ночью. Она досадовала на свою киевскую родню, бросившую ее без совета и поддержки: если Ольгу и Свенельду так нужна Деревлянь, они могли бы сразу прислать дружину или хотя бы забрать отсюда ее, Предславу. От Свенельда она знала, что именно этого и хотела княгиня Яромила, сестра ее матери, но Ольг рассудил иначе и не поддался на уговоры старшей жены, чье мнение много для него значило. Позже Предслава поняла, почему он так поступил.

Мертвый бывший муж являлся к ней ночами, а его живой соперник стал навещать княгиню днем, частенько захаживая на княжий двор. Вел он себя почтительно, и ей хотелось довериться ему, переложить на его железные плечи все свои заботы, закрыть глаза, спрятаться за широкую спину, и пусть его разбирается с Володыней, с Ольгом, с самим Кощеем, раз уж ему так хочется власти над деревлянами...

Возможно, она и поддалась бы этому чувству, если бы однажды вечером не услышала во дворе голос Крепени.

Уже совсем стемнело, дул ветер, и Предслава по пути от чулана куталась в темный некрашенный плащ, оставшийся от Володыни. Мельком подумалось, что Крепимер явился к ней и разговаривает перед дверью избы с Весняной, но в ответ ему послышался совсем другой женский голос, и Предслава сообразила, что доносится он вовсе не от княжьей избы.

Хлопнула дверь. Прильнув к стене клетки, Предслава увидела Крепимера и одного из его кметей перед входом в «малую избу» – так называли жилище, поставленное когда-то князем Мстиславом после женитьбы младшего сына. После смерти Борислава и отъезда в Киев его молодой вдовы изба осталась пустой и много лет служила приютом только для челяди и гостей: сам князь Володыня и Предслава жили в «большой» княжьей избе. Но год назад «малая» тоже начала дымить окошком: из прошлогоднего полюдя Володыня привез себе младшую жену, по имени Быляна. Говорил, что она дочь какого-то непокорного старейшины и что взял он ее в залог. И не так чтобы Быляна была особо хороша собой: курносая, глаза узкие. Но было в ней что-то шальное, раздражающее, поэтому Предслава не удивлялась, что, бывая дома, Володыня каждую третью ночь проводил у другой жены. Защищенная своим высоким положением, Предслава не замечала соперницы и не унилась бы до ревности, но в глубине души опасалась: а вдруг та родит первой? А мать наследника, пусть и не княгиня – все же сила...

– Такая девка – ты не поверишь! – заявил Крепимер кметю: как видно, чувства распирали и хотелось поделиться.

И пока он шел через двор, Предславе пришлось выслушать подробное описание того, чем хороша младшая жена покойного князя. Она была и рада, и не рада тому, что оказалась в это время во дворе и что Крепена ее не заметил: услышанным она была уязвлена, но это же открытие помогло ей опомниться.

– Надо же – только овдовев, узнала, чего муж в другой нашел, – бормотала она себе под нос, проходя к собственной избе. – Видно, Крепене-то одной княжьей жены мало – обеих подавай.

И чего она до сих пор не велела удалить Быляну со двора? Отправлять ее восвояси к родным, пожалуй, будет неразумно: потом родит невесть от кого, а скажет, что от князя, – но выдать замуж было бы весьма неплохо.

– Хоронили бы Володыню здесь – я бы тебя с ним в Навь послала, коли так хороша! – мстительно бормотала Предслава.

– Что ты, матушка? – переспросила Снегуля, снимая с нее промокшую ветолю.

– Ничего.

Снегуля переглянулась с Весняной. «Княгиня-то с духом разговаривает!» – было написано на их встревоженных лицах. А Предслава упала на лавку возле стола и уткнулась лицом в ладони. Нет, Крепenea, ступай откуда пришел! Выйди она за него – а он еще Быляну возле себя посадит, вот позор-то! Жениться не успел, а уже по девкам ходит! Да прямо у нее же в дому!

Назавтра, когда Крепимер явился, она его не приняла, ссылаясь на нездоровье. А сама преисполнилась решимости хоть что-то сделать: выяснить наконец, что за дух к ней ходит и чего хочет, стремясь избавиться хоть от одного из двух своих неприятелей, чтобы сосредоточиться на делах второго. И послала за Далибожем, чтобы спросить, нет ли у него мертвой головы человеческой – средства погадать по месяцу. Вот и погадала...

Нет, от Крепимера ей помощи не будет, думала Предслава, глядя на спящего Вояту и слегка поглаживая его по волосам. Надо же – жила и не знала, что у нее есть такой родич... От мысли, что теперь рядом с ней находится старший брат, не чужой, а свой по крови человек, которому можно доверять, сильный и решительный мужчина, способный за нее постоять, где-то под грудью разливалось блаженное тепло. Два ее родных брата, Ярополк и Володыша, с которыми она росла, оба были младше ее, хотя Яру уже сравнялось семнадцать и родители наверняка подумывают о его женитьбе. Перебравшись в Деревлянь, она довольно часто встречала жившего в Киеве двоюродного брата

Свенельда, но относилась к нему с некоторой настороженностью: ведь он был наследником ее мужа, а стало быть, соперником. Зато Воята во всех здешних делах не имел никакой собственной корысти и готов был все силы отдать ради ее, Предславы, благополучия. Ей даже стыдно было, что раньше она совсем о нем не думала. Она пыталась вспомнить Вояту, но подростки, когда-то виденные в дружине вую Велема и в домах ладожской родни, все ей казались на одно лицо.

Но теперь она приободрилась и повеселела, о том вчера не могла и мечтать. Ну да, к ней повадился сам Зверь Забыть-реки – небось к этой блудливой дуре Былянке не пожалует, велика честь! Давным-давно Незвана пообещала ему трехлетнюю девочку, в которой видела свою будущую преемницу, собираясь погубить ее родную мать. Но передача сил не состоялась. Предслава хорошо помнила рассказы матери и Снегули о тех временах и о том, как они расспрашивали ее, не передавала ли ей тетя-колдунья какую-нибудь куколку, или веточку, или платочек, или хоть пучок травы. Дивляна много лет боялась, что мертвая колдунья найдет способ с Того Света завладеть намеченной жертвой и часто расспрашивала дочь, не чувствует ли та в себе пробуждения неких сил. Об этих ее опасениях Предслава прекрасно знала и сама следила за собой. Теперь выяснилось, что мать боялась не напрасно. Ее спасло раннее обручение – еще не став даже девушкой, она повязала на шею косынку, знак будущего замужества, «покрылась», став недоступной для духа, выбирающего только одиноких. Уж не знала ли о том княгиня Яромила, достойная жена для князя, прозванного Вещим, если присоветовала именно в семье своей сестры искать невесту для Володимера деревлянского?

Впервые за последние месяцы Предслава была совершенно спокойна, мыслила ясно и четко. Будучи сперва невестой, потом женой, она была защищена от Зверя Забыть-реки. Смерть мужа разрушила ее защиту. Она еще не знала об этом, а Князь-Уж поспешил прийти, прикинувшись Володыней. Она не поверила ему в ту первую ночь, солонокрес его оттолкнул – и он отступил, стал ждать, пока она узнает о своей беде, и явился снова, теперь будто душа покойного мужа. Но и тогда она не пошла ему навстречу.

Однако Зверь Забыть-реки – слишком сильный противник даже для самого мудрого волхва, не то что для молодой вдовы, вооруженной разве что корнем солонокреса. Она помнила, чем он грозил ей этой ночью, когда сила Мариной Чаши вынудила его открыться и гласно заявить о своих притязаниях. «Я захочу – и Ужа пойдет назад. И будет подниматься, пока не затопит Коростень и все

кручи окрест, смоем все живое, так что и следа не останется...» Перед глазами само собой возникло зрелище – Ужа восстает из каменистого русла, будто исполинский змей, темные вздувшиеся волны захлестывают гранитные кручи Коростеня, смывают избы и частокол, мечутся в водоворотах целые избы, бревна, будто соломинки, сорванные крыши, будто клочки сена, люди, жалобно кричащие, тянущие руки за помощью и исчезающие под волнами... Если она не спустится к нему с берега – Уж поднимется к ней на кручу.

Спасти ее может только одно – свадьба. Но не с Крепимером же! А с кем тогда? Других женихов у нее пока нет.

Исполняя причитания и жалуясь на горькую вдовью долю, Предслава лишь отдавала дань обычаю. На деле она вовсе не боялась пропасть и состариться в одиночестве. С молодыми, знатными, обладающими сильной многочисленной родней и богатым приданым вдовами такого не случается. Хватило бы и четверти ее достоинств, чтобы хоть завтра нашелся новый муж. И наверняка уже и родители – если знают о беде, и князь Ольг всю подбирают ей жениха. И не один князь из ближних и дальних обрадовался, прослышав, что молодая коростеньская княгиня, племянница Ольга киевского, овдовела. Ей нужно только выбрать – теперь она не девочка-недоросточек, а взрослая женщина, имеющая право распоряжаться собой.

Предслава посмотрела на Вояту, осторожно провела пальцами по его плечу, сквозь ткань исподки ощущая твердые выпуклые мышцы, потом склонилась, чтобы почувствовать его запах – ей хотелось получше узнать того, кто самой судьбой был поставлен среди самых близких ей людей, и не их вина, что они до сих пор совсем не знали друг друга. Надо же, какой у нее брат – самого Ящера не побоялся! – подумалось ей с удовольствием и гордостью, будто в том была ее заслуга. Наконец и о ней вспомнила Макошь! Появление Вояты казалось ей таким богатым подарком судьбы, что после всех несчастий даже не верилось в такое везение. Весь его облик дышал силой и уверенностью, в каждом движении сказывалась привычка действовать решительно. Сколько она сумела вчера разглядеть при лучинах, и лицом он довольно приятен, но это даже не важно. У Предславы было чувство, будто она может доверять ему безоглядно – как самой себе и даже больше, потому что он ведь мужчина и ее старший брат. Если бы он не был ее братом, она никак не смогла бы так сразу впустить его в свою жизнь, едва ли бы он даже узнал о ее бедах. Но они не были знакомы с детства, она впервые увидела его как мужчину, а уж потом осознала их кровное родство.

И чего она вчера не спросила, женат ли он и на ком? Рубаха... – она скользнула взглядом по его фигуре, – короткая, да и бороду он пока бреет, как неженатый парень. «Вот ведь кому-то повезет с женихом!» – с невольной завистью к неведомой будущей невестке подумалось ей. Предложили бы ей такого – бегом бы побежала... Но увы: через прабабку Радогневу Любшанку они родня в шестом колене, между собой им жениться нельзя...

И вдруг ей в голову пришла мысль – такая, что Предслава сама не поверила и засмеялась вслух. Перевернувшись на спину, она еще подумала немного. Вот это да! Что же она раньше не сообразила! Да, но раньше при ней не было братьев и вообще никакой родни, а пока здесь находился Свентя, «муж» с Того Света не появлялся... Но зато теперь, коли ей нужен жених... с одной стороны, братец Воята никак для этого не подойдет, но с другой – именно он подойдет отлично, как никто другой!

Она опять повернулась к Вояте и слегка потерела его за плечо. Он пошевелился и в полусне крепче обнял Предсладу; она мельком подумала, что он, видно, привык спать не один, а значит, там в Ладоге у него кто-то есть. Еще бы не было – чтобы такой молодец даром пропал!

– Эй! – шепнула она, придвинувшись к его уху, чтобы больше никто не услышал. – Брате!

– У-ум... – не открывая рта, отозвался он сквозь дрему.

– Жениться хочешь?

– На-а ком? – Воята зевнул, вроде бы не удивившись этому странному предложению.

– На мне.

– А надо?

Предслава опять засмеялась: вот что значит надежный человек! На все готов, только скажи!

– Надо! Прямо сегодня.

Воята наконец открыл глаза, встретил ее веселый взгляд. Ему уже казалось, что он всю жизнь знал двоюродную племянницу матери, и не верилось, что они по-настоящему познакомились только минувшей полночью. Он испытывал блаженство от мысли, что эта молодая, красивая, восхитительная женщина отныне будет любить его в силу общей крови, не требуя никаких достоинств и заслуг – но именно поэтому ему страстно хотелось иметь и достоинства, и заслуги, чтобы оправдать ее любовь и чтобы она гордилась таким братом.

– Но как же?.. – напомнил он. – Мы же... того...

Поднявшись на локте, Воята посмотрел в лицо женщины, лежавшей к нему вплотную. Многие хотели бы, чтобы она перепутала их со своим мужем, как сказал вчера Рулав, и теперь он был полностью согласен со старым варягом. Если бы они знали друг друга с детства – тогда другое дело. Мало ли у него в Ладогe сестер – и ничего. Но с Предславой ему приходилось напоминать себе об их родстве, только это мало помогало. Раннее утро, тепло мягкой княжьей постели, близость молодой красивой женщины произвели на него естественное действие, а о том, что она его сестра, ярая жила ведать не ведала. И он вдруг понял, что если Предслава не шутит, то едва ли он найдет в себе силы отказаться. Ну, подумаешь, родня! Если она хочет...

– Это не по-настоящему, – шепнула она ему в ухо, и Воята сам не понял, что в нем сильнее: облегчение или разочарование. – Это для змея. Есть такой способ, я только сейчас вспомнила. Чтобы змея от вдовы отвадить, надо его удивить тем, чего на свете не бывает. Скажем, ее свадьбой с кровной родней – хоть сыном, хоть братом. Сына у меня нет, а брат теперь есть. Согласен?

– А чего же нет? – стараясь дышать ровнее и не показать, как возбужден, отозвался Воята. – я думал, придется мне теперь меч двенадцать лет ковать, а потом на Забыть-реку идти и там на мосту калиновом бой принимать с чудищем о двенадцати головах, двенадцати хоботах.

– За двенадцать лет он меня изведет досмерти. Сегодня к ночи все и устроим. Он ведь явится, гад. И будет являться, пока я другому мужу не достанусь.

Воята так же смотрел ей в лицо сверху, уже не пытаясь придать взгляду более невинное выражение, потом потряс головой и решительно поднялся:

– Лучше я встану! А то натворим мы тут дел, даже змея не дождавшись.

Глава 4

Когда рассвело, изрядно повеселевшая Предслава оделась и отправилась к Далибожу. Можно было позвать его к себе, но ей хотелось воздуха, хотелось пройтись по осенней ясной прохладе – довольно она насиделась дома в последнее время! Чуть ходить не разучилась. К тому же, навещая старшего волхва, княгиня вовсе не роняла своего достоинства. С чувством, будто заново родилась или выздоровела наконец от долгой тяжелой хвори, вдыхая полной грудью осеннюю свежесть, запах прелой листвы, подмороженной земли, она удивлялась, до чего это, оказывается, приятно. Как же она жила это время – будто под землей! Золото последней листвы под бледно-голубым небом особенно резко бросалось в глаза, слякоть подмерзла, весь мир казался домом, чисто прибранным перед приходом новой хозяйки – Марены.

Воята пошел провожать Предславу: теперь он боялся отпустить ее с глаз. По пути Предслава все поглядывала на него, пользуясь первым случаем наконец разглядеть как следует при дневном свете. Во внешности их не было никакого сходства, по виду и не скажешь, что родня. В обоих присутствовала значительная доля варяжской крови, но в Вояте больше, и в нем она сказывалась сильнее: почти квадратное, скуластое лицо оканчивалось треугольным подбородком, что придавало ему вид соразмерный и даже изящный; правильные черты лица, безупречный прямой нос, глубоко посаженные серые глаза под прямыми темными бровями. Светло-русые волосы, разделенные прямым пробором, красиво осеняли высокий и широкий варяжский лоб. Вид у него был несколько замкнутый, но выражавший решительность, яркость чувств и силу воли. Справа в нижней части щеки сквозь щетину просвечивал довольно заметный кривой шрам, уже старый и побелевший, уходящий на подбородок; Предслава мельком подумала, что его и под бородой будет видно, пожалуй, всю жизнь. Хотела спросить, откуда, но не стала – успеется еще.

На саму Предславу все встречные таращились в удивлении, порой даже забывая поклониться: давно они не видели свою княгиню такой бодрой и красивой! На щеках ее горел румянец, глаза сияли голубыми звездами, даже в походе ощущался прилив сил.

Прогулка вышла длинная: Далибож обитал на Святой горе, но дома его не оказалось, и жена сказала, что волхв пошел к сестре. Пришлось им вновь спускаться по каменистой тропе и идти на другую кручу. Сестра волхва – это мать Крепимера, а у нее и молодого воеводу очень даже можно было застать. В другой раз Предслава предпочла бы вернуться, но теперь она не боялась – ни Крепимера, ни Зверя Забыть-реки! Да и присутствие Вояты, родича княгини, человека из дружины Велемысла ладожского и одновременно посланца Ольга киевского, поневоле вынудит их к осторожности.

Несмотря на ранний час, княгиня оказалась не первой гостьей у старейшины Горелюта – свояка Далибожа. Еще четверо из их родни уже сидели возле стола вокруг ковша с квасом и блюда вчерашних пирогов. Здесь же находился и Крепимер. При виде княгини все разом замолчали, дружно встали и поклонились, но на лицах была растерянность, и Предслава сразу поняла, что говорили о ней. У старейшин вид был встревоженный, у Далибожа – раздосадованный, а черты Крепени выражали напор и обычную самоуверенность. Видать, клялся вую, что еще немного – и уломает упрямую Володимерову вдову. Как бы не так! – Предслава усмехнулась про себя.

Не успела она рассказать хозяевам, кто такой Воята и откуда взялся, как вошел Рулав, и ей стало совсем спокойно. С двумя такими союзниками она не боялась и всего Коростеня, потому что за ними стояли и Киев с Русской землей, и Ладога, и Плесков.

– Хотела я спросить у тебя, батюшка, – начала она, когда ее усадили на почетное место с женской стороны. Бородатые старейшины – в длинных вышитых рубахах, с широкими ткаными поясами – рядом расположились напротив и смотрели на княгиню во все глаза, будто впервые видя. – Эта голова мертвая... где ты ее взял?

Предслава задала вопрос вежливо, но в голосе ее слышался угрожающий намек, будто Далибож сам загубил кого-то незаконным образом и она об этом знала.

И этот вопрос волхву действительно не понравился.

– На берегу нашел, – буркнул он с неохотой, не глядя на княгиню.

– Ужи?

– А чего же?

– И не знал, чья это голова? Чья душа там жила?

Далибож не отвечал, и Предслава утвердилась в своих подозрениях. Старший волхв мог и знать. Уж он-то умеет в Навь заглядывать и с мертвыми говорить.

– И ты... нарочно мне ее дал? Ты хотел, чтобы я говорила с ней?

– Только она и знала... – Далибож бросил на княгиню угрюмый взгляд. – Мне открыть не захотела, обещала, что тебе самой откроет...

– Что – открыть?

– Что за беда над тобой собирается, княгиня! – пришел на помощь вую Крепимер. Видно, ему-то родич-волхв рассказал все без утайки, не вынуждая, как Предславу, тянуть клещами каждое слово. – Кому твоя мать была обещана, еще в те года, когда князь Мстислав был жив. И ты тоже! И как избыть беду, как отогнать злыдня, что только к вдовам ходит!

– Вот как!

Предслава окинула взглядом лица собравшихся деревлян: никто не был так потрясен открытием, как она, а стало быть, все знали. Видя, что княгиня упрямится, Крепимер и его родич-волхв решили обратиться за помощью... к Незвану! Устроить так, чтобы мертвая колдунья сама заставила Предславу поскорее ухватиться за предложенного жениха, убоявшись Зверя Забыть-реки! Но княгиня уронила череп, не дав его прежней хозяйке заговорить.

– Так вы все знаете? – Предслава не рассказывала никому, кроме Чтиславы и Творяны, о посещениях духа и надеялась, что в Коростене об этом неизвестно.

– Слух-то идет, – сдержанно отозвался Горелют, отец Крепени. – Когда змей к простой вдове летает – ее одну погубит. А коли вдова княжья – все племя под тучей ходит.

– Мало нам с Ольгом киевским заботы – еще и змей повадился! – вздохнул его другой свояк, Добычест. – Ты ж решай быстрее, княгиня. Выйдешь замуж – и змей отстанет, и русь тогда уж до нас не дотянется.

– А будешь медлить – и себя, и нас погубишь. А мы не позволим! – отрубил брат Далибожа, Ратибож, суровый и решительный мужик, бывший старшим деревлянским воеводой до того, как получил стрелу в грудь и с тех пор все время кашлял и задыхался.

– Медлить более нельзя! – подтвердил сам Далибож. – Вышло твоё время, княгиня. И хорошо, что сама ты ко мне пришла, а не то мы думали сегодня к тебе идти. Сон мне нынче виделся вещий. Явился мне во сне сам Зверь Забыть-реки.

«Надо же – мне тоже!» – подумала Предслава и обменялась понимающим взглядом с Рулавом.

Воята сидел у двери, слегка наклонившись и сжав ладони между колен. Отсюда ему было хорошо видно всех, и взгляд, которым он окидывал деревлянских старейшин, был далеко не дружелюбным. Теперь перед ним сидел не один змей, а целый пяток, нацелившийся терзать жалами его обретенную сестру. Будучи чужим здесь и к тому же моложе всех, он молчал, но его суровое лицо давало понять, что сегодня княгиня уже не так одинока и беззащитна, как была еще вчера. И тот дешевле отделается, кто поймет это вовремя.

– И сказал мне Зверь Забыть-реки, – продолжал Далибож, – что пришел ему срок получить обещанное. Тебя, княгиня. Мать твою, Аскольдову вдову, семнадцать лет назад хотели в жертву ему принести, чтобы избавить от беды и разорения Коростень и племя деревлян. Вызван был дух его и призван за жертвой, но не было тогда дело доведено до конца. А Князь-Уж все ждет. Пока ты вдова – ему к тебе открыта дорога. Сказал он: если не получит свою жертву, то гнев свой тяжкий обрушит на Деревлянь. Поднимется, сказал он, вода в Уже до самых вершин коростеньских, смоет и княжий двор, и все живое, поглотит бездна и людей, и скот.

Сидевшие на лавке старейшины переменились в лице. Видно, на этот счет между ними не было согласия, об этом и шел у них спор перед приходом Предславы. Кто-то из них – скорее всего, Ратибож и до сих пор молчавший молодой волхв Дедилец – выступали за то, чтобы отдать Володимерову вдову Князю-Ужу и тем отвести его гнев от племени. Но вместе с ней они лишились бы и средства сделать Крепимера князем и поневоле вручили бы Деревлян русинам Ольгу и Свенельду – поэтому остальные возражали. Неведомо, что решит общий совет старейшин и вече, если до них дойдет дело. Но Предславе и то решение, и другое ничего хорошего не обещало.

Но и осознав, какое будущее ей тут готовили, она не столько испугалась, сколько рассердилась. Между судьбами ее и матери было много общего, но много и различного. Дивляна семнадцать лет назад была одинокой беззащитной вдовой, попавшей в Коростень в качестве заложницы от Аскольда, который к тому времени был мертв и не мог защитить семью. Но за спиной Предславы стоял киевский князь Ольг, ее близкий родич – живой, здоровый, а главное, нужный деревлянам в качестве доброго соседа и союзника. Если у них есть немного ума в голове, они не посмеют причинить ей вред, утопить в Уже в жертву Ящеру или даже выдать замуж против воли – потому что это война, и во второй раз Киев, дойди до этого дело, уже не проявит милосердия и разорит деревлян так, что они навсегда лишатся права сами собой управлять.

Однако грозить было еще рано. Все-таки Предслава сама прожила в Деревляни четыре года, сроднилась с этим племенем и считала нужным защитить его от бородатых дураков, которые ради призрачной корысти вели народ к войне и гибели.

– Выйти замуж – дело хорошее, – сдержанно заметила она. – Только что-то жениха достойного я пока не вижу.

Крепимер при этих словах встрепенулся, на лице его отразилось удивление.

– Был один молодец, да веры ему нет, – не давая воеводе заговорить и гневным взглядом пригвозждая к месту, продолжала Предслава. – Скажи, Крепимер Горелютович, – или не ты к Быляне захаживаешь? Если забыл – так мы ее призовем и у нее спросим. Да и я напомним – сама видела, как ты от нее выходил по вечернему времени, сама слышала, как ты ее, лебедь белую, нахваливал! Так кого ты в жены взять хочешь – княгиню или наложницу?

Далибож крикнул от досады, старейшины снова переменились в лице. Крепимер, на миг запнувшись, все же не стал отпираться – это казалось ему унижительным.

– Знаешь, стало быть? – вызывающе ответил он. – А и правда! Знаюсь я с Быляной. И чего такого? Буду князем – и жены его будут мои, что одна, то и другая. А Быляна-то посговорчивее тебя. Смотри, княгиня! Сама свое счастье не загуби! А то ведь, коли тебя Князь-Уж хочет, мы тебя ему и отдадим, а я Быляну в жены возьму и с ней деревлянским князем стану!

– Даже не думай! – холодно и презрительно отрезала Предслава, взглядом призвав Вояту молчать. Тот уже кипел, видя такое поправление ее достоинства. – Робу в жены взяв, ты не князем станешь, а только свой род опозоришь! Она не была водимой женой, и ее новый муж не станет князем. Или ты свататься за нее поедешь к родне? Откуда она там, с Горыни? Может, там остался кто? А то ведь князь мне говорил, что всю родню ее перебил. Коли нужна – забирай, все равно мне в хозяйстве от нее пользы мало! Дашь гривну, и владей! Пользуйся моей добротой. А то ведь коли без позволения возьмешь, то сам моим челядином станешь! – Она засмеялась. – Или не так, старейшины?

Старейшины отворачивались в досаде, только Добычест усмехнулся ловкости княгини, но из уважения к севшей в лужу родне прикрыл усмешку ладонью. Взятая как пленница, Быляна принадлежала к княжеской челяди, и после смерти Володимера ею, как и всем его имуществом, владела жена-княгиня. Только Предслава теперь имела право выдавать Быляну замуж, назначать выкуп и прочие условия. В любом другом случае ее новый муж считался бы в лучшем случае похитителем чужой рабы.

– А князь Ольг никогда не простит людям, которые обидят племянницу его старшей жены, – добавил Рулав. – Твои права, Крепимере, будут ничто в сравнении с правами Свенельда, мужа Людомилы. Если ты сейчас поведешь себя благоразумно, то сохранишь место воеводы и при новом князе. Но иначе ты можешь потерять не только жену, но и голову.

– Грозить мне вздумал? – Крепимер вскочил, красный от досады.

– Не грозить, а предупредить. – Рулав невозмутимо сидел на месте. – я понимаю, ты молод, воевода. Когда сюда приходило войско Волегостя плесковского, ты еще был ребенком. Но старшие родичи могли бы тебе рассказать, как это

неприятно – видеть вражеское войско под кручами и не иметь сил ему противостоять.

– Теперь не те времена, – рявкнул Ратибож. – Тогда князь Ольг подлым обманом князей наших Мстислава и Борислава погубил, войско их разбил. Теперь-то мы на обман не поддадимся. Хочет воевать – пусть приходит, а мы здесь дождемся. И не только Коростень отстоим, но и в Киеве еще сами сядем, как при дедах было.

– Я уже слышал эти старые песни! Те, кто их пел, не доживали до седых волос!

– Да что ты сделаешь, волк беззубый! – горячился Крепимер.

– Я попытаюсь удержать вас от глупостей. Но могу сказать, что намерен делать князь Ольг, если вы пойдете на поводу у этого удалца. – Рулав глянул на старейшин и кивнул на молодого воеводу. – Он уже послал людей к князю Будераду в Туров. И предложил ему союз на таких условиях: земля дреговичей освобождается от дани, а взамен помогает руси усмирить Деревлян, с которой киевский князь по-прежнему будет брать дань, но теперь уже в двойном размере.

Старейшины примолкли, повисла тишина. Строя свои горделивые замыслы, они рассчитывали на поддержку своих данников-дреговичей. Но было очевидно, кого поддержит Будерад, в надежде избавиться от зависимости!

– Смирите свой гнев, мужи деревлянские, – произнесла Предслава. – Мы уладим дело миром, и я сама буду просить князя Ольга считать деревлян своими друзьями и верными союзниками, как это и было при муже моем, князе Володимере.

– А ты сама-то... – заикнулся Горелют.

На всех лицах читался вопрос: собирается Предслава остаться здесь, приняв нового мужа, или предпочитает уступить место своему брату Свенельду и его жене?

– А я сама сперва должна избавить себя и деревлян от Зверя Забыть-реки. И тогда буду свободна решать, кто достоин стать моим новым мужем, – сказала Предслава, не глядя на Крепимера, который снова вскинул на нее глаза. – Ведь я – княжеского рода, я не лелёшка из ветошки[5 - То есть тряпичная кукла.] и никому не позволю играть собой. Да будут с вами чурь, мужи деревлянские!

Она поднялась, слегка поклонилась старейшинам на прощание и вышла в сопровождении Рулава и Вояты. Ладожанин так и не сказал ни слова, но одарил собравшихся волчьим взглядом, задержав его на раздосадованном лице Крепимера. Теперь он знал, какую голову змея предстоит срубить первой.

В сенях Предслава обернулась и восторженно сжала его руку. Она одержала победу, пусть еще не окончательную, но теперь все знают, что из нее не удастся сделать бессловесную жертву! И это он, ее брат, позволил ей почувствовать себя такой сильной.

* * *

До вечера никто княгиню не тревожил, хотя жители Коростеня, в основном женщины, собирались перед двором и поглядывали на постройки. Предслава понимала, что по кручам разошлись слухи, и эти женщины, вероятно, надеются увидеть, как огненный змей прилетит и втянется в заволочку облаком огненных искр. Но женских пересудов она не боялась: для нее, княгини, важнее были те решения, что примут мужчины. Но тем на раздумья требовалось время, которое она сама тоже не намерена была потратить даром.

А Предславе предстояло важное дело – подготовка к «свадьбе». Ей было так весело, словно она опять стала восьмилетней девочкой, играющей «в свадьбу» с подружками, и они с Веснянкой, ее ровесницей и прежней участницей тех игр, то и дело давились от смеха. Воята, как выяснилось, очень хорошо знал весь порядок свадебного действа, даже лучше Предславы – он уже не раз исполнял должность «почестного брата»[6 - Почестный брат – распорядитель свадьбы, избираемый из неженатой мужской родни жениха (брат и так далее), иногда выступает в паре со старшим родичем. Обычно этот свадебный чин называется дружкой.] на свадьбах молодой родни, и они быстро договорились, что из самого необходимого требуется сделать, чтобы добиться цели, но не привлечь к этому событию лишнего внимания.

А вот Рулав, когда его посвятили в замысел, обеспокоенно нахмурился и бросил на Предславу пристальный взгляд. Она понимала, что его тревожит. После смерти Володыни право на власть над деревлянами воплощали две женщины: его вдова и его сестра. Теперь все зависело от того, которая из них первой выйдет замуж и тем даст Деревляни нового законного князя. И Рулав был прислан Ольгом не только поддержать вдову бывшего воспитанника, но и проследить, чтобы она как-нибудь не выскочила замуж вперед золовки и без благословения киевского князя.

– Но Воята – мой родич! – объясняла ему Предслава. – Мы не можем играть свадьбу между собой, и потому она, как вещь невозможная, обладает властью избавить меня от Ящера. Если бы он не был моим братом, то ничего бы не вышло!

– Это верно, но когда речь идет о княжьем столе... Бывает, что князя или конунги женятся и на более близких родственниках.

– Я в князя деревлянские не мечу! – хмыкнул Воята. – Что проку в чужой земле? Мне бы только гаду этому хвост оторвать, чтобы не совался куда не звали.

На самом деле Воята имел привычку все вещи называть своими именами и от полноты чувств выражался довольно грубо, так что Предслава иногда поджимала губы и отворачивалась, делая вид, будто не слышала, но эта прямота парня, выросшего среди дружины, ее не сильно коробила и не портила настроения. Она уже полюбила троюродного брата, и ей нравилось в нем все.

Невольно на память приходила собственная настоящая свадьба четырехлетней давности, наполняя душу самыми противоречивыми чувствами. Она не могла не вспоминать, как весь тот день ее била дрожь от волнения и тревоги перед вступлением в новую жизнь; как утомляли и сбивали с толку сложные обряды, большинства из которых она даже не видела из-под непрозрачной паволоки. Эту паволоку, привезенную варяжскими купцами из болгарской земли, купила когда-то для своих трех дочерей Радогнева Любшанка: укрытые белым серкландским шелком от сглаза и всякого зла, подстерегающего невест, выходили замуж Милорада, Велерада, Гневорада, потом их дочери – Святодара, Яромила, Дивомила, Велемила, Льдиса, Олова, Ведома, Синелада и вторая Дивомила, дочь Велема. Но Предслава стала первой невестой из следующего, третьего поколения, и нарочно для нее пожелтевшую от времени паволоку привезли из Ладоги в Плесков, откуда ее снаряжали, а потом доставили назад.

Теперь воевода Велем, по словам Вояты, вновь привез ее для дочери Яромилы – Придиславы, но Предслава не печалилась, что ей придется обойтись. Прабабкина паволока напоминала бы ей тот день – когда она сидела рядом с Володыней, которого еще не видела, но он держал ее за руку через достающий аж до пола вышитый рукав, и она знала, что все ее будущее теперь принадлежит этому мужчине. Ей было неловко и тревожно, но в то же время она не сомневалась, что теперь они вот так же, рука об руку, пройдут долгий путь, у них появятся дети, внуки, целый большой род, дом, хозяйство; она будет растить детей, рассказывать им предания и сказки. Развернет перед ними длиннющие родовые полотенца и будет перечислять дедов и бабок по каждой из ветвей: ладожских Любошичей и Витонежичей, полянских Киевичей, в родстве с которыми ее дети будут через мать Аскольда Придиславу Святославну, деревлянских Мстиславичей и моравских князей Ростиславичей, чью кровь принесла сюда Володынина мать, княгиня Чтислава. Воистину, родовое дерево их детей закрыло бы ветвями полмира, от Волхова до Дуная! И в них оно будет дальше расти и ветвиться: в свое время она снарядит замуж дочерей, женит сыновей, станет обучать маленьких внучек силам целебных трав и хитростям рукоделия – и в далеком будущем, когда ее не станет, сама сделается одной из прабабок, чье имя получают по наследству новые дочери рода.

Но ничего этого не было. Четыре бесплодных года – и она вдова, которой, самое лучшее, предстоит все начать сначала... Предслава вздыхала, гнала прочь тоску по несбывшемуся и бросала взгляды на Вояту, надеясь развеселиться. Но и тут обнаруживалась своя горечь: она поймала себя на мысли, что случись ей выходить замуж за Воигнева Хранимировича по-настоящему, взаправду, то она смотрела бы в будущее гораздо увереннее, чем в прошлый раз. Потому что с первого же взгляда на него становилось ясно: за этим человеком любая женщина будет как за каменной стеной.

– У тебя в Ладогe есть жена? – спросила Предслава между делом, роясь в ларе и выкладывая на лавки рубахи, рушники, платки, пояса, скатерть, настиральники. К ее удовольствию, Воята тоже говорил «ларь», в отличие от полян и деревлян, у которых этот предмет домашнего обихода называли скрыней.

– Есть чудинка одна, Юлука. Ее имя-то было Йуолукка, а мать ее больше Луковкой зовет. В походе взяли, вуй Велем мне ее отдал. Ребенок даже был, да помер прошлой зимой.

– Еще будут, – утешила его Предслава, а сама обрадовалась в душе.

Пленница не в счет, а настоящей жены-веденицы у него еще нет и ей, Предславе, пока ни с кем не надо делить его любовь.

– Наверное, будут. – Воята пожал плечами.

Ребенок был слишком маленький, чтобы он успел к нему привязаться: помнился только комочек в льняных пеленах на руках у Юлуки, и гораздо больше ему было жаль ее саму, поскольку она сильно горевала.

– А поход куда был?

– На Вуоктар-озеро[7 - Вепсское название Белого озера.]. Хорошую добычу взяли... Тому уж года три. Взяли бы еще больше, кабы со словенскими не разругались. От наших-то вуй Велем воеводой был, а от Словенска шурь его Прибыслав. Всю дорогу не могли решить, кто главный – чего один хочет, тому другой нарочно поперек говорит. Каждый другому уступить боится. И все годы так, потому когда в общий поход идут, то старшим воеводой Рерика ставят: он и не наш, и не их, никому не обидно.

– А, Рерик, я его помню! Не женился еще?

– Да он бы, может, и женился, – Воята ухмыльнулся, – да где невесту взять? У нас – Вышеня старый на стену полезет, у них – наши согласия не дают. Да у Рерика и вроде есть жена где-то за морем. Я-то ее не помню, а дед рассказывал, она когда-то приезжала даже в Ладогу да назад уехала – как-то не пожилось ей у нас...

За разговором Предслава доставала множество вещей, распространяющих по избе дух пахучих сушеных трав, – старые, оставшиеся от первой свадьбы свои невестины рубашки-длиннорукавки с особой вышивкой, рушники, все из беленого льна, богато отделанные красным шелком и вышитые красной нитью, пояса, тканые из разноцветных нитей, с хитрыми оберегающими узлами в бахrome на концах. После белизны скорбных одежд вдовы обилие красного, цвета жизни и плодородия, ободрило ее, согрело и взбудоражило. Для Вояты тоже нашлась подходящая одежда – свадебная рубаха, порты и пояс, изготовленные когда-то для Володины, и Предслава вновь украдкой смахнула

слезу. Но все – нельзя плакать, а не то настоящая душа покойного мужа огорчится в Ирии и явится ее утешать! Предслава задавала много вопросов о ладожской родне и тамошних делах; Воята охотно отвечал, и в ее памяти оживала Ладога, куда она изредка ездила еще девочкой вместе с матерью и о которой еще чаще слышала. Чудинские и варяжские слова будили воспоминания детства, и сердце щемило – начинало тянуть туда, будто в родных местах она снова сможет стать маленькой и начать жизнь сначала...

– Ты бы не хотела в Ладоге побывать? – спросил и Воята. – Бабку Милушу проведать, пока жива...

– Ой, хотела бы! Да ведь я вовсе не знаю, что со мной будет. Мою судьбу теперь князь Ольг решает.

– Вуй Велем тебя в обиду не даст! – убежденно ответил Воята и бросил на нее взгляд, ясно говоривший: и я тоже. – Ты-то решила, чего хочешь?

В этом вопросе содержался намек на возможность выбора. Предслава обладала правом дать Деревляни нового князя и сохранить коростеньский стол за собой. Но для этого ей требовался этот самый новый князь, способный выдержать борьбу с Ольгом киевским или хотя бы приемлемый для последнего. Такого человека у нее не было, а кидаться в драку с собственной родней, не имея надежд на победу, – и глупо, и губительно.

– Пусть Ольг решает, – ответила она. – Здесь Свентя сядет, а мне они иного князя в женихи подберут – чтобы свою землю имел и в Деревлян не лез... Да где же они?

– Кто? Женихов ищешь, может, завалялись?

– Да вроде того. Подержи. – Предслава передала ему большую свернутую скатерть, лежавшую на самом дне ларя. – Макошь-матушка...

– Что такое? – Воята увидел, как переменялось ее лицо, и встревожился.

Ларь у нее, как у богатой невесты, был такой большой, что сама Предслава могла бы в нем спрятаться. В отличие от полян, которые делали свои скрины

с крышками в виде шатра, плесковские кривичи, равно как и ладожане, перенимали у варягов лари с полукруглым верхом, вместе с их названием[8 - Слово «ларь» происходит от древнешведского, «скрыня» – от латинского заимствования через немецкий, но это очень старое заимствование и было переосмыслено народом через понятие «скрывать, хранить»]. В основном отделении хранилась одежда, цветное греческое платье, подаренное князем Ольгом, а в маленьком – украшения, принадлежности для рукоделья, обереги, мешочки с волшебными травами. Опустошив основную часть, Предслава теперь рылась в прискрынке. И чем дольше рылась, тем сильнее у нее холодело внутри. Наконец она повернулась к Вояте, и по ее вытянутому побледневшему лицу он сразу понял: беда.

– Что стряслось?

– Нету, – прошептала она, глядя на него расширившимися глазами.

– Чего – нету?

– Их. Жениха и невесты...

– Каких?

– Лелёшек. Лады и Ярилы. Ну, не знаешь, что ли?

Предслава искала куколок в виде жениха и невесты, оберег, который изготавливается к свадьбе и после того хранит благополучие и лад новой семьи. Хранит в течение всей жизни, а потом возлагается на краду того из супругов, который умрет последним. Нечего и говорить, с какой заботой жены оберегают свадебных лелёшек в глубинах своей скрыни, среди самых дорогих вещей, не показывая никому и никогда. Предслава не искала их нарочно, но в какое-то время, перебирая вещи, вдруг осознала, что не видит оберега, и насторожилась.

Вновь и вновь она перекладывала вынутые рубахи и рушники, надеясь, что две маленькие куколки, связанные свадебным пояском, завалялись где-нибудь в складках, но уже понимала, что этого не может быть.

– Украли. – Наконец она бросила бесполезные поиски и села прямо на свадебную скатерть, которую Воята положил на лавку.

Чем она так встревожена, он понимал и сам. Украсть куколок могли только с одной целью – для ворожбы, чтобы причинить вред семье. А поскольку зла в жизни Предславы в последнее время хватало, то не приходилось сомневаться, что неведомые враги достигли своей цели! Ей стало так страшно, что она обхватила себя за плечи, будто на морозе, дрожа так, что постукивали зубы. Кто-то украл самый важный залог ее благополучия. И вот – муж погиб, а к ней повадился Зверь Забыть-реки...

– Кто мог-то? – спросил Воята.

– А мало ли...

Предслава вспоминала своих врагов. Быляна... Далибож с Крепимером... И не понять, когда произошла кража – она не могла вспомнить, давно ли видела куколок. Зная, что они надежно спрятаны в ларе, к которому не имеет права прикасаться никто, кроме самой хозяйки, она не проверяла их... и не вспомнить, с каких пор.

– И что теперь? – Воята положил руку ей на плечо. – Уж коли муж умер, и тебе от лелёшек вреда не будет. Или как?

Предслава вздохнула. Ее замужество уже окончилось, и со смертью Володимера куколки утратили оберегающую силу. А это означало, что некто похитил их еще при жизни мужа – после не имело бы смысла. Не значит ли это, что смерть Володины и была целью неведомого злыдня?

А дальше приходилось задать еще один вопрос. Кому это было надо?

Закрыв глаза, Предслава помотала головой и с усилием отбросила тяжкие мысли. Только этого ей сейчас не хватало!

– Давай прикинем. – Она встала, развернула жениховскую рубаху Володины, которую сама когда-то сшила в Плескове и прислала ему перед свадьбой, и приложила к плечам Вояты. Провела ладонью по его груди, ощутив там

под одеждой что-то маленькое и твердое – наверное, оберег. – Смотри, как на тебя сшито. Он потом-то в боках раздался, а на свадьбе был такой, как ты сейчас.

И снова пожалела про себя, что нет у нее настоящего жениха, такого же отважного и надежного, как брат Воигнев Хранимирович – такого, чтобы заслонил ее не только от Змея, но и от бед и напастей на всю оставшуюся жизнь.

Наступил вечер. Нарядившись в белые с красным одежды невесты, Предслава спрятала свои короткие волосы под повоем, а сверху покрылась большим свадебным платком; Снегуля застелила лавку медвединой, а Предслава ушла к лежанке и там села за занавеской.

За окошком стемнело, но в избе горело множество огней и было светло как днем. Участников «свадьбы» собралось мало: кроме княгининых домочадцев, позвали только Рулава с семьей, женой и четырьмя детьми. Но этого хватит, чтобы выполнить все обряды.

Двое сыновей Рулава – Берята и Тур – изображали «женихову дружину» и старались принять удалой и важный вид, что не очень получалось, поскольку им было только пятнадцать и тринадцать. В течение дня сам Воята старательно обучал их, что и как надо делать, и теперь они, вроде как разделив должность «почестного брата», то и дело поглядывали друг на друга, вспоминая, что там дальше. Вместе с Воятой они вошли из сеней, предварительно громко и торжественно постучав, и весьма упорно торговались со своим собственным отцом, который сегодня был «отцом невесты», выкупая место для жениха на скамье. В это время Снегуля причитала, прощаясь с «дочерью», а Весняна и две дочери варяга – Ранница и Красена, пятнадцати и одиннадцати лет, – пели положенные песни. Понимая, по какому тревожному поводу затеяна эта «свадьба», девочки дрожали, но и ликовали – обе только и мечтали о свадьбах. Конечно, эта свадьба игралась гораздо скромнее, чем это делается обычно, тем более в богатых родах, но все основные обряды нужно было выполнить.

Упал соловей на свое гнездечко –

Сел князь молодой на свое местечко!

Получив выкуп, Рулав кивнул, и Снегуля с Весняной вывели за руки невесту и усадили на медведину рядом с женихом. Новоявленная пара старалась

сохранять важный вид, но, глянув друг на друга, оба давились от беспокойного смеха. Разговаривать им было нельзя – во время свадьбы жених и невеста считаются находящимися в мире мертвых, откуда «родятся вновь» уже в новом качестве – как муж и жена.

– У меня в доме эта женщина была послушна и честна, теперь передаю ее тебе: держи ее так, чтобы и у тебя она была послушна и честна. Да благословят вас светлые боги! – Рулав поднял каравай над их головами. – Да соединят вас в любви, дадут вам жить в совете и ладу, пошлют вам много детей, доброе хозяйство и много скота!

Снегуля поднесла вышитый свадебный рушник и связала им руки «молодых». После чего Воята повел Предславу к столу, отодвинутому от стены, чтобы можно было обойти вокруг него; они обошли трижды, а потом сели во главе. На столе уже было приготовлено обычное для свадеб угощение: поросенок, жареные куры, пироги, яичница, каша. Перед «молодыми» стояла одна миска и одна ложка, но есть им пока не полагалось. Все расселись, девушки звонко пели:

Ягода с ягодой сокатилаcя,

Ягода ягоде поклонилася,

Ягода с ягодой обнималася,

Ягода с ягодой в уста целовалася!

Как ни нелеп был этот обряд, Воята исполнял его со всем усердием и целовал Предславу с не меньшим пылом, чем это положено настоящему жениху. От волнения и смущения она почти забыла про Змея и оттого не сразу заметила, что в избе появился еще один гость. Мельком бросив взгляд в сторону двери, Предслава вдруг различила в темном углу смутную фигуру и невольно вскрикнула.

На первый взгляд это был человек, но стоило немного вглядеться, и человеческие черты таяли, растворялись в черной бездне, которая начинала властно затягивать в себя. От черного пятна веяло неумолимым холодом Нижнего мира. Сразу становилось ясно: не кто-то из соседей заглянул на непривычный шум. Явился тот, ради кого было затеяно это странное веселье.

Как у месяца золоты рога,

Ой, Лели, Лели!

Как у солнышка очи ясные!

Очи ясные, распрек... –

пели в это время женщины, но, увидев, как переменилось ее лицо, умолкли на полуслове.

– ...расные... – одна в тишине закончила Весняна и тоже обернулась, как и прочие за столом.

Жена и дочери Рулава, ранее только слышавшие от отца о посещениях Зверя Забыть-реки, вскрикнули, пригнулись, будто хотели залезть под стол, и попытались спрятаться за плечами старого варяга. Рулав остался неподвижен, только крепче сжал нож, которым собирался отрезать себе кусок поросенка. Зато Воята подбоченился и усмехнулся.

– А это кто пришел? – с веселым вызовом воскликнул он. – Проходи, не бойся, сегодня всех к столу зовем! Веселье у нас!

С этим гостем ему можно было говорить – ведь тот явился из Закрадного мира, в котором они с Предславой сейчас как бы находились.

– Что за веселье? – Тот шагнул ближе, и снова Рулавы домашние заохали от изумления: облако тьмы приняло вид покойного князя Володимера. Но даже младшие Рулавы дети сразу поняли, что это совсем не тот Володимер, которого они знали, пусть даже мертвый, а совсем другой...

– Свадьба у нас, – внешне невозмутимо пояснил Рулав, которому, может, и было страшно разговаривать с божеством Нижнего мира, но он не мог этого показать перед всеми.

– Что за свадьба?

Мнимый князь остановился прямо перед Предславой и устремил на нее неподвижный взгляд. Не поднимая глаз, она крепче вцепилась в руку Вояты,

а другой рукой он по-хозяйски обнял ее за плечи.

– Брат сестру берет.

– Что ты говоришь, старик? – Гость из бездны грозно нахмурился, и по избе пробежал порыв холодного ветра, так что язычки пламени лучин и светильников пригнулись и замигали. – Разве может такое быть, чтобы брат сестру за себя брал?

– А разве может такое быть, чтобы мертвый к живой ходил? – дрожа, но четко и уверенно ответила сама Предслава. Сама она не сообразила бы, что говорить, но эти слова были частью обряда, и мудрость предков сказала за нее. – Коли брат не может сестру за себя взять, то и мертвый к живой ходить не может. А коли ходит, так и у меня теперь есть муж, а ты мне не хозяин, так и убирайся прочь! И не возвращайся, пока все сестры за братьев не пойдут, перо лебяжье в воде не потонет, черный камень со дна не всплывет, а песок, на камне посеянный, не взойдет!

Мнимый Володыня вдруг затрясся и стал расти на глазах, так что теперь не только подростки, но и взрослые полезли бы от ужаса под стол, если бы могли хотя бы шевельнуться. Темные дрожащие тени побежали по стенам, откуда-то донесся гул, и все за столом невольно втянули головы в плечи, а младший сын Рулава, Тур, не выдержал и юркнул под скатерть. Облик Володыни сползал с гостя, будто старая змеиная шкура; у всех на глазах он вдруг стал человеком с головой ужа, вместо кожи покрытым тонкой черной чешуей, и те, кто еще не онемел от ужаса, не удержали крика. У всех вдруг потемнело в глазах, избу залила тьма, где лишь вдали тянулась цепь багровых огней, будто костры по виднокраю.

Но все же здесь, в мире Яви, Князь-Уж был далеко не так силен, как в собственных владениях. Тьма схлынула, в избе вновь загорелись лучины. Только холод остался – не то холод осенней ночи, проникавший через заволочу, не то стылое дыхание Кошного. И каждый не мог избавиться от чувства неизбежности: сейчас они прогнали Повелителя Мертвых, но настанет час – и состоится новая встреча. Для каждого, рано или поздно. Своей хитростью они выиграли только краткий миг, ибо срок человеческой жизни лишь мгновение в вечности, куда всякому предстоит отправиться.

– П-получилось? – шепнула Весняна, когда все стихло и лучины загорелись ровно.

– Да, – тихо сказала Предслава, будто встреча с Нижним миром оставила ее без сил и даже без голоса. – Он ушел.

Потом она зажмурилась и уткнулась лицом в грудь Вояты, еще не смея отдаться чувству облегчения.

– Я надеюсь, мы все же можем продолжать нашу свадьбу, чтобы не пропало угощение, – несколько мгновений спустя заметил Рулав и снова потянул к себе блюдо с поросенком; его руки дрожали, но лицо сохраняло вполне невозмутимое выражение.

– А как же, отец! – Воята усмехнулся. – Есть что отпраздновать!

Праздновали до полуночи, но наконец молодых проводили до постели, уложили, задернули занавеску и впервые за много дней в избе погасили все огни.

– Спасибо тебе, – шепнула Предслава, повернувшись к своему «супругу». – Будто в кощуне, ты меня от Змея спас.

– Эх, в кощуне молодец взаправду женится! – Воята вздохнул и обнял ее. – А не так, понарошку.

– Мы родня в шестом колене, а жениться можно в седьмом, – напомнила Предслава, понимая, что он жалеет об этом не меньше, чем она. – Наших детей уже можно будет друг с другом сосватать.

Воята только вздохнул из темноты. Что ему было до этих детей, которые ни у него, ни у Предславы еще не родились! Он был и благодарен судьбе за то, что подарила ему такую сестру, которая была в его глазах не менее прекрасна, чем Заря-Зареница из кощуны, и досадовал, что между ними не оказалось всего на одно колено больше! Приходись Предслава ему не троюродной сестрой, а троюродной племянницей, с какой радостью он попросил бы ее в жены и, очень может быть, получил бы! И тогда... Вся предстоящая жизнь вдруг озарилась ярким светом и стала прекрасна, будто Ирий.

Однако и в их родстве есть неоспоримое преимущество: никакие силы не разорвут связь между ними. В груди поднималось и стремительно росло чувство любви и преданности – такой огромной, что она не помещалась внутри и грозила затопить весь мир. Ему было все равно, как он любит Предславу – как сестру, женщину, княгиню. Она стала для него всем, все женщины мира собрались в ней, и ничего он так не хотел, как быть с ней всегда – не важно, как при этом называясь.

Воята скоро заснул, прижавшись лицом к плечу Предславы, и она прислонилась лицом к его волосам, ощущая в груди щемящую нежность. И еще долго не спала, несмотря на волнение и усталость, – было так хорошо, что жаль тратить время на сон. Пусть свадьба у них была не настоящая, но в эту ночь Предслава узнала о любви гораздо больше, чем за четыре года замужества. Любовь приходит от богов, а боги не знают ни вражды, ни родства. Любовь сама делает выбор, не считаясь с земными законами, и может соединить людей как чужих, даже разделенных кровной враждой родов, так и своих, связанных слишком близким для брака кровным родством. Ни первое, ни второе не в силах помешать, если двоим суждено полюбить друг друга, потому что любовь выше как вражды, так и родства. Там, где две души встречаются и сливаются, все это не имеет значения, этого там просто нет. Мы слабы и беспомощны перед любовью, но она же делает нас сильными перед любыми напастями. Через любовь человек сливается с божеством и обретает неиссякаемый источник силы...

Глава 5

Наутро шел дождь. Не слишком сильный, но упорный, он не переставал с ночи до полудня, и весь виднокрай был обложен настолько ровной, плотной пеленой серых туч, что невозможно было и надеяться, будто где-то они кончаются. Коростень не спешил просыпаться, только женщины спешили к коровам, накинув на головы сукни и скользя по грязи.

Но одна молодая женщина вышла из дома без подоюника. Быляна, младшая жена покойного князя Володимера, тоже в уборе вдовы и с большим платком грубой шерсти, от дождя внакидку наброшенном на голову, еще на рассвете выскользнула из ворот и направилась к Святой горе. Там она постучала в дверь избы, где жил Далибож, и попросила открывшую ей хмурую хозяйку позвать

волхва.

– Здорово! – в изумлении воскликнул Далибож, увидев ее. – Ты-то чего прибежала спозаранку? Или теперь и к тебе змей повадился?

– Беда случилась, волхве! – зашептала Быляна. – Вели скорее сестрича позвать, воеводу. Расскажу, что видела.

– Да что видела?

– Диво дивное! Вели позвать воеводу, при нем расскажу.

Далибож послал за Крепимером. Тот явился не один, а с отцом и воем Радобожем, который отчаянно кашлял и хватался за грудь: в сырую погоду ему всегда становилось хуже.

– Ты чего тут? – увидев Быляну, Крепимер от удивления переменился в лице. – Или княгиню змей унес?

– Не унес. И не унесет. Избавилась княгиня от змея, да нам всем беду неминуемую принесла.

– Рассказывай, – решительно приказал ей Далибож, знаком предлагая родичам сесть к столу. – Коли прибежала спозаранку, так не тяни. Что случилось?

– Княгиня наша замуж вышла! – провозгласила Быляна и замолчала, выразительно оглядывая лица мужчин и давая им время усвоить новость. Это была еще совсем молодая женщина, моложе Предславы, раздосадованная тем, что никакая любовь князя Володимера не могла дать ей место княгини, прочно занятое другой, гораздо выше по рождению и крепче родней.

– Чего? – Крепимер поднялся, не веря своим ушам и изумленный не менее, чем если бы ему сообщили, что его собственная престарелая матушка вышла замуж при живом отце. – Как – вышла? За кого?

– А за родича своего ладожского, варяга, что с Рулавом из Киева приехал.

– Как это – за родича, да замуж вышла? – не поверил Горелют. – Да как такое может быть?

– Не знаю как, а только было! Своими глазами я видела, как они на медведине посреди избы сидели, как им руки рушником свадебным связывали, как варяг княгиню вокруг стола вел. Своими ушами слышала, как им песни свадебные пели. Так что поздравляю вас, мужи нарочитые, с новым князем – Воигневом... как его по батюшке, и не ведаю.

– Да я его... – Крепимер разъярился, не веря, что кто-то посмел выхватить у него из-под носа добычу, которую он уже считал своей.

– Сиди! – осадил его Далибож. – Он не может быть ей мужем, они родня.

– Но свадьба была!

– Пусть была – никто такой свадьбы не признает, и князем нашим он быть не может! Не примет его племя деревлян!

– Кто свою же кровь смешивает, того боги и чуры проклинаят! – вставила сердитая Быляна. – Проклята наша княгиня Предслава! А с ней и Деревлянъ вся проклята!

– Да я его... на куски порву и в Ужу покидаю!

– Уймись ты! – рявкнул на Крепимера Радобож и обратился к Далибожу, подавляя кашель: – Так может она теперь за другого выйти, если свадьбу справила с братом, а свадьба незаконная? Или она теперь опять замужняя баба, а он наш князь?

Далибож не сразу ответил. Одно было ясно: если княгиня выбрала в женихи своего родича, значит, Крепимера видеть на этом месте она не желала никак. За воеводу она не пойдет. А значит, от Володимеровой вдовы нужно избавляться. Отказавшись стать средством передачи власти, она стала препятствием на пути.

– Что, женщина, – подумав, обратился он к Быляне. – Подтвердишь перед народом, что песни свадебные слышала?

– Своими же ушами! Но не просто так.

– А как?

– Коли не она, то я княгиней стану. – Быляна глазами показала на Крепимера. – И вы меня признаете. А иначе – спала я и сон видела, да и все.

Далибож еще подумал. Обвинив княгиню Предславу в кровосмесительной связи, ее можно было убрать с дороги, но тогда требовалось иное средство возвести Крепимера на княжий стол. Быляна не была княгиней и не имела права передавать власть. Но все же она была женой князя, пусть и младшей... Убрав Предславу как недостойную и оскорбившую богов, они могли провозгласить Быляну княгиней, а потом и ее мужа, то есть Крепимера, князем. Ненадежно и не слишком законно... если не совсем незаконно, но другого средства не осталось. Если припугнуть народ варяжскими и русскими князьями – согласится.

– Рулава спросите, – подсказала Быляна. – Он ведь невесту жениху отдавал. Пусть под клятвой расскажет, как дело было.

– Кто-нибудь еще там был?

– Из свободных – только варяговы домашние, остальные челядь.

– Хорошо. – Далибож наконец кивнул. – К полудню созовем народ.

* * *

– Пора собираться, – сказал Воята, проснувшись, и Предслава сразу поняла его. Он ведь приехал в Коростень, чтобы увезти ее в Киев на княжескую свадьбу, и надо было трогаться в путь.

– Завтра поедем, – согласилась она. – Водой или лесом?

– А как ближе?

– Три дня и так, и так. Но водой легче, чем по грязи.

– Лодьи тут есть?

– Есть. Рулаву скажу, он приготовит.

Воята потянулся к ее повою, из-под которого выбилось несколько светлых прядок, и сдвинул его назад.

– Не трогай! – Предслава перехватила его руку.

– Мне можно, я же свой.

– Отрастут – тогда любуйся. – Предславе было очень досадно, что ее красивые волосы пришлось обрезать.

Перекусив остатками вчерашних пирогов, Воята ушел в гридницу и к Рулаву – готовить дружину к отъезду. Предслава тем временем пообещала собрать свои вещи и даже решила взять с собой ларь, в котором когда-то привезла приданое: так или иначе сложится ее судьба, а в Коростень ей едва ли суждено воротиться, нет ей больше тут места. Когда в полдень явился Далибож в сопровождении трех волхвов – Дедильца, Держигора и Творяны, – все свадебные принадлежности уже были снова погребены на дне ларя, изба приобрела обычный вид, а хозяйка встретила гостей в белом уборе. Войдя, все четверо внимательно оглядели ее с головы до ног, отыскивая признаки свершившихся перемен, но ничего не нашли, и по лицам было видно, что гости утратили уверенность: не напрасно ли они сюда явились? Творяна бросила вопросительный взгляд в сторону хозяйской постели, но и лежанка за отдернутой занавеской, опрятно заправленная, ни о чем рассказать не могла. Зато сам этот взгляд кое-что сказал Предславе.

Она невозмутимо вытерпела осмотр: почти наверняка случившееся должно было выплыть наружу, но Предслава не боялась этого. У нее было такое чувство, что теперь уже ничто не в силах ее утратить.

– За тобой мы, княгиня. – Далибож поклонился. – Народ деревлянский на Святой горе собрался, видеть тебя желает.

– И я желаю видеть народ деревлянский. – Предслава кивнула. – Мне есть что сказать ему.

Волхвы переглянулись, Дедилец выразительно двинул бровями: Быляна не соврала!

Покрывшись плотным валяным плащом от сырости, Предслава вышла на двор. Дождь почти перестал, с серого неба сыпалась морось. Ее уже ждали Рулав и Воята, за их спинами толпились гриди: прослышав о народном сборище, оба намеревались ее сопровождать. На Вояту волхвы воззрились с новым любопытством, но он ответил хмурым взглядом. Надеясь, что змея все-таки отвадили насовсем, он тем не менее стремился поскорее увезти Предсладу отсюда и не хотел, чтобы какие-то новости задержали отъезд.

Широкое пространство на вершине Святой горы было сплошь занято народом: здесь собрались жители всех коростеньских круч и ближних весей. Слухи в толпе ходили один чуднее другого: про летучего змея, про покойного князя, который не желает упокоиться и все ходит к вдове, про гнев Князя-Ужа и новые явления мертвой колдуньи, что уже семнадцать лет в ночи полнолуния сметает с прибрежных камней остатки собственной крады. Говорили, что мертвая голова колдуньи предрекала страшные беды, что княгиня схватилась с самим Зверем Забыть-реки, а он, изгнанный, обещал в отместку затопить все поселение. И хмурый мелкий дождь, который в иные осенние дни не привлек бы никакого внимания, теперь воспринимался как начало страшной кары: так и будет лить, пока Ужа не выйдет из берегов и волны не поднимутся до самых круч!

И, разумеется, о том, что княгиня справила свадьбу с собственным братом и что теперь эта беззаконная и проклятая богами пара собирается править в Деревляни, навлекая на все племя гнев богов.

Когда Предслава появилась, народ загудел – встревоженно, испуганно, удивленно, гневно. Но она даже бровью не повела.

– Здоров будь, весь люд деревлянский! – Выйдя на свободное место перед камнем-жертвенником, Предслава с достоинством поклонилась старейшинам,

стоящим в первых рядах, и волхвам, разместившимся возле идолов. – Спасибо, что собрался. Пришла мне пора прощаться с тобой, Деревлянь Великая. Хорошо я здесь пожила, да вышло время. Возвращаюсь я в Киев, к родичам моим, а там как Макошь даст. Взамен приедет к вам новый князь молодой с княгиней – Свенельд Ольгович с Людомилой Доброгневовной, внучкой Мстислава. Любите их, служите верно, как мне и мужу моему служили, и боги вас благословят.

Народ гудел: она сказала совсем не то, что все ожидали услышать. Носившиеся слухи сразу показались вздорными: она отвела обвинения еще до того, как ей попытались их предъявить, и народ растерялся.

– Спасибо, что пришла к нам, княгиня, – отозвался за всех Далибож. Предслава отказывалась от дальнейшего права на Коростень за себя и предполагаемого мужа, но передавала его совсем не в те руки, в которые ему хотелось. Важно было узнать, является ли она все еще носительницей этого права, а от этого зависело, как поступить с ней дальше. – Должны мы с тобой проститься по чести, да вести тревожные народ смущают.

– Какие вести?

– Будто ночью минувшей ты свадьбу справила... с родичем твоим. – Далибож перевел взгляд на Вояту, который остался невозмутим. – Хочет народ знать: как такое может быть?

– Удивляешь ты меня, волхве! – Предслава сделала недоверчивое лицо. – Где же видано, чтобы сестра за брата шла?

На этот вопрос не мог найти ответа даже сам Зверь Забыть-реки, и Далибож промолчал. Он знал, что это один из тех обрядовых вопросов, на которые вообще не может быть ответа. И хитрая княгиня тоже это знала.

– Может, и не может такого быть, а только видоки есть, – выкрикнул Крепимер и вытолкнул вперед Быляну. Та все еще прикрывала голову большим платком, хотя дождь уже перестал, а на ее юном румянном лице застыло выражение суровой решимости. – Вот, меньшая княжья жена своими глазами видела, как ты за столом сидела с братом твоим, Воигневом, и своими ушами слышала, как вам песни свадебные пели. Вот и ответь нам: как смела ты князя нового дать

Деревляни, у народа позволения не спросив?

– И как могла ты свадьбу с родной кровью незаконную справить, на нас всех гнев богов навлекая! – добавил Горелют.

– Посмотрите-ка! – Предслава бросила взгляд Рулаву и Вояте. – Ох, улов у нас хорош! Ловили мы одного змея, а попало-то сколько – и не сосчитать!

– Как это – змея ловили?

– Ходил ко мне Зверь Забыть-реки, облик мужа покойного принимая. Я змея от себя отвадила, да вижу, взамен другие поналетели. Или ты, волхве, не знаешь такого оберега?

Далибож замялся: он не хотел подтверждать ее правоту, но и не мог при всех ответить «нет» – хорош будет старший волхв!

– Есть такой способ, – подтвердила волхва Творяна. – Изгоняет змея чудо невиданное, чего на свете не бывает.

– Это ты только говоришь так – что для змея! – возразил Крепимер. – А на деле задумала брата в мужья взять, чтобы в Коростене княгиней с ним остаться!

– Я объявила, что уезжаю в Киев! И вместо меня здесь будет править мой брат Свенельд Ольгович!

– А мы не желаем Свенельда Ольговича! И прочей руси не желаем! – Крепимер взмахнул рукой, и народ загудел. – Ты твое право должна передать тому, кто от деревлянского корня родился! А коли не захочешь, то мы тебя к Князю-Ужу проводим!

– Да сам ты хуже всякого змея! – Воята шагнул к нему. – Ужак, желтые уши! Ты моей сестре не грози – грозилка не выросла! Одного змея я отвадил от нее и другого отважу!

– В князя наши метишь? – орал Крепимер, почти не слушая и лишь понимая, что ему угрожают. – Нет у вас прав! Люди! Народ деревлянский! Княгиня

с братом родным в постель легла и теперь богами проклята! Нет больше у нее права на Деревлянь! Теперь другая жена Володимера княгиней будет, и к ней право переходит нового князя Деревляни дать!

Он снова подтолкнул Быляну, но народ шумел так, что ничего не было слышно. Далибож затряс своим посохом, к которому были привешены бронзовые бубенчики, их звоном стараясь унять толпу. Народ приумолк и прислушался.

– Ах ты леший! – возмущенно кричала старая княгиня Чтислава, грозя Крепимеру и Быляне. – Вместо дочери моей ты эту маруху-нечесу в княгини посадить хочешь! Проклянущу! Тебя и ее проклянущу!

У Чтиславы была очень веская причина поддерживать Ольгу киевского: в его доме жила ее единственная дочь Людомила и ее же Ольг хотел сделать княгиней в Коростене. Конечно, старая княгиня не хотела увидеть на этом месте какую-то Быляну, лягуху дреговичскую!

В толпе одобрительно гудели: деревляне получали немалую выгоду от торговли через Киев, которая заметно перекрывала ущерб от платимой дани, и многие старейшины были решительно против того, чтобы портить отношения с Ольгом. Предслава видела, что они поддержат ее, если только их не будет смущать брошенное ей обвинение.

Княгиня снова вышла вперед. Она кипела от возмущения, но понимала, что речь идет не только о ее чести, но и о будущей судьбе Деревляни. Ради чести всего своего рода она должна была оставить право распоряжаться Володимеровым наследством за собой.

Она бросила быстрый взгляд Вояте; тот коротко кивнул. Они не обсуждали этой возможности заранее, но оба знали, что думают об одном и том же. Предславе было гораздо страшнее, чем ему, – именно потому, что выход, который она собиралась предложить, нес опасность в первую голову не ей, а Вояте.

– Слушай меня, народ деревлянский! – крикнула она, взмахнув рукой. Народ по привычке затих – ведь она правила им уже четыре года. – У богов спросим, кто прав и за кем право. Ты, Крепимер, Горелютов сын, обвиняешь меня, будто я с братом кровь смешала и проклятье на себя навлекла? Хочешь меня другой заменить? я отвергаю обвинение и оставляю право передать власть

над Деревлянью за собой. Пусть боги нас рассудят, а я требую поля.

– Поля?

– Да. Будешь биться с моим бойцом. Или перед богами ты не повторишь того, что сказал мне?

– Кто будет твоим бойцом? – спросил Далибож, уже зная ответ.

– Мой брат Воигнев Хранимирович.

– Он не может, потому что он разделяет твою вину.

– Так он снимет обвинение с себя и с меня. А если воевода не согласится, то как вы, деревляне, доверите воеводский топор такому трусу? – Предслава метнула на Крепимера насмешливый взгляд, зная, что этого он не вынесет.

– Я боюсь? Да я хоть сейчас! Иду на поле!

– До первой крови? – спросил Радобож.

Воята переглянулся с Рулавом, и тот коротко мотнул головой:

– Обвинение слишком сурово, чтобы его можно было смыть одной каплей крови. Пусть в живых останется тот, за кем боги признают правду. И отстаивать свою правоту противники могут до тех пор, пока один из них не погибнет.

Далибож поджал губы, но возражать было поздно. Вызов принят, теперь все дело в руках богов. И надеяться оставалось только на воинское умение и силу воеводы – только это теперь поможет ему отстоять право на Деревлянь.

* * *

Поединок назначили на завтра. Народ разошелся, Предслава вернулась домой. На людях она держалась спокойно, но как только вошла, то и села на ближний край лавки: ее не держали ноги, била дрожь и хотелось плакать.

– Да не бойся! – Воята обнял ее за плечи. – я тоже не на репище найден! Справлюсь.

Она верила, что он справится, но ведь Крепимер – очень опасный противник. А потерять Вояту для нее было гораздо страшнее, чем потерять Деревлянь, с которой она и так уже мысленно простилась. И даже хуже, чем отправиться в Ужу с камнем на шее, в качестве невесты Ящера.

– Хорошо, что мы... – Она подняла голову и взглянула ему в глаза.

– Точно. – Он кивнул и сел рядом. – Боги уберегли.

Он не смог бы выйти на поле божьего суда с сознанием своей правоты, если бы действительно сделал то, в чем их принародно обвинили.

– Как вуй Велем, – напомнила Предслава: они не говорили между собой об этом, но оба знали одно из семейных преданий.

– Не то. – Воята покачал головой. – Да и два раза подряд боги такого не стерпят.

Двадцать с лишним лет назад, когда воевода Велем Домагостич сам был в возрасте Вояты и вез свою сестру Дивлянну замуж за киевского князя Аскольда, ему тоже пришлось выйти на поле божьего суда, защищая заведомую ложь. Но боги отдали ему победу: он не искал своей корысти и не покрывал нарушений родового закона, он лишь защищал свой род, готовый пожертвовать ради этого собственной жизнью и честью. И боги приняли его сторону, даже позволили благополучно выпутаться из последствий обмана. Правда, княгиня Дивомила, рассказывая об этом дочери, сомневалась: неудачное ее первое замужество тоже могло быть наказанием, отложенным богами до поры. Но даже такая милость не нужна была Предславе: вчерашняя «свадьба» не стала чем-то большим, чем обережный обряд.

– Ты прости меня, что я на тебя такую беду навлекла, – шепнула она, сидя с ним бок о бок на лавке. – Как в огонь ты сюда приехал. Сперва змей, теперь эти... выползки.

– Да брось. – Воята сжал ее руку, лежащую на коленях, посмотрел на Предславу и улыбнулся. – Брат я тебе или не брат? А для чего еще братья нужны?

– Я тебя люблю, – со слезами шепнула Предслава, уже не понимая, как могла каких-то три дня назад жить и не знать его. Она еще не совсем привыкла к его лицу, но оно уже казалось ей прекраснее всех на свете. Но ничем, кроме любви, она сейчас не могла помочь ему – тому, который сделал для нее так много.

– Ну и что мне еще надо? – внешне невозмутимо отозвался Воята, но в душе его возникло чувство, будто с этим признанием он получил самую драгоценную награду своей жизни.

Предслава протянула руку и провела пальцами по кривому шраму у него на подбородке.

– Это кто тебя?

– А это меня укусили. – Он усмехнулся. – Шкура в Ладоге осталась, будет случай, покажу. я волку шею руками свернул – что мне этот... Вот. – Он вынул из-под рубахи волчий клык на тонком ремешке и показал ей.

Этот ремешок она же видела и ощущала у него на груди какой-то маленький твердый оберег; судя по залоснившемуся ремешку, Воята носил клык уже несколько лет не снимая. И Предслава понимала, что это значит: убив волка руками, он взял себе его силу.

Эту ночь оба поединщика проводили в святилище, чтобы очиститься перед испытанием. Провожая Вояту, Предслава даже не посмела поцеловать его и по его глазам видела, что он понимает причину.

Вечером приходили несколько старейшин из тех, кто был более склонен дружить с Киевом и без возражений принять нового князя Свенельда. Предславе они выражали дружбу и обещали защиту, если и она, коли что, заступится за них перед Ольгом. Рулав долго сидел с ней, утешая тем, что сорок человек дружины никому из деревлян не дадут ее в обиду и что князь Ольг придет ей на помощь сразу, как только возникнет необходимость. Предслава кивала, а сама думала: чтобы прислать помощь, Ольгу понадобится дней десять. Убить человека можно гораздо быстрее. О Вояте Рулав не говорил, не осуждал их решение насчет поля,

и Предславе даже казалось, что старый варяг вполне доволен развитием событий. Но Вояте он зла не желал и хмурился, думая о завтрашнем испытании.

До рассвета она не спала, неподвижно сидя на лежанке и даже не ложась, не пытаясь заснуть. О Звере Забыть-реки Предслава уже не думала: он ушел из Яви, оставив по себе лишь нудный холодный дождь. Но теперь он принял облик живых людей: Далибожа, Крепимера, даже дуры Быляны, вообразившей, будто сумеет, опорочив законную княгиню, занять ее место. Как сказал Рулав, грязь может налипнуть на золотое кольцо, но золотом сама от этого не станет. У божества Нижнего мира много голов. И снова Воята встал между нею и змеем; теперь гадины тянули к нему свои жала, но Предслава не верила, что он может погибнуть, потому что не представляла и своей дальнейшей жизни без него. За эти немногие дни он стал частью ее, и сейчас ей казалось, будто он рядом. И это незримое его присутствие успокаивало тревогу, внушало убеждение, что все будет хорошо.

Гриди Рулава и Вояты тоже почти не спали, оставаясь наготове, бродили по двору перед закрытыми воротами, наблюдали за городом, но все было тихо. Предслава несколько раз выходила постоять с ними возле разложенного прямо во дворе костра, где грелись дозорные. Ей кланялись, и хотя ее присутствие немного смущало парней, они были довольны, что княгиня разделяет их бдение. Говорили о разных поединках, вспоминали похожие случаи. Ладожские гриди не сомневались, что их вожак победит. Особенно в него верили двое – совсем еще юные, лет семнадцати-восемнадцати, Братята и Светлыня. Воята уже показывал их Предславе, и она знала, что эти двое – двоюродные братья, а по ветви волхва Святобора троюродные братья Вояты.

– Нашего Вояту Велем Домагостиц как сына любит, – уверял долговязый беловолосый Светлыня, старший из двоих, «цокая», как многие ладожские и плесковские дети матерей-чудинок. От этого напоминания о родине у Предславы щемило сердце – так хотелось вновь оказаться там, где все вокруг свои! – Если с ним тут что случится, он все эти горы деревлянские по камешку разμεцет. Им тогда Волегостев поход ярильским игрищем покажецца!

– Это все змей проклятый, – добавлял Братята. – Сам уполз, а злобу свою оставил.

Предслава смотрела на небо, будто отыскивала там что-то.

– А у вас в Ладоге знают про Змей-звезду? – спросила она.

– Змей-звезду? – братья удивленно переглянулись.

– Да. Вон она, где Лосиха, видите. – Предслава нашла созвездие, которое называют то Лосихой, то Возом[9 - Большая Медведица.]. – Я когда в Плескове жила, мне тамошний волхв, Ведобож, рассказывал. Мне и братьям моим. Сейчас она на месте стоит, а в Купалу с места снимается и по небу ходит. И где пристанет на всю ночь, там, значит, счастье людям принесет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

По древним представлениям, душа живет в голове. (Здесь и далее прим. авт.)

2

В соответствии с первоначальным историческим значением Русской земель здесь называется только территория, подвластная Киеву, Переяславлю и Чернигову, то есть область племени полян.

3

Горевая – от слова «горевать», сряда – костюм.

4

Заговаривать можно только людей моложе себя.

5

То есть тряпичная кукла.

6

Почестный брат – распорядитель свадьбы, избираемый из неженатой мужской родни жениха (брат и так далее), иногда выступает в паре со старшим родичем. Обычно этот свадебный чин называется дружкой.

7

Вепсское название Белого озера.

8

Слово «ларь» происходит от древнешведского, «скрыня» – от латинского заимствования через немецкий, но это очень старое заимствование и было переосмыслено народом через понятие «скрывать, хранить».

9

Большая Медведица.

Купить: <https://tellnovel.com/elizaveta-dvoreckaya/tayna-drevlyanskoy-knyagini-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)